

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

И.Л. ГАЛИНСКАЯ

**СУДЬБА РОМАНА
Дж.Д. СЭЛИНДЖЕРА
«ЛОВЕЦ ВО РЖИ»**

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

**МОСКВА
2013**

ББК 83.3(7)
Г 15

Серия
«Теория и история культуры»

Центр гуманитарных научно-информационных исследований

Отд. культурологии

Ответственный редактор – д-р филос. наук
Л.В. Скворцов

Галинская И.Л.

Г 15

Судьба романа Дж.Д. Сэлинджера «Ловец во ржи»: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. культурологии; Отв. ред. Скворцов Л.В. – М., 2013. – 82 с. – (Сер.: Теория и история культуры).

ISBN 978-5-248-00697-7

Рассматривается выпущенное английским издательством в 2009 г. продолжение этого романа. Автор продолжения, шведский писатель Фредрик Колтинг, скрылся под псевдонимом Дж.Д. Калифорния. Американским судом было запрещено печатать продолжение «Ловца во ржи» в США. В Европе роман издается как на английском языке, так и в переводах. В русском переводе он называется «Вечером во ржи. 60 лет спустя».

Для культурологов, литературоведов и студентов гуманитарных вузов.

Besides the problems of the novel by J.D. Salinger «The Catcher in the Rye» the review presents the sequel of this book. The sequel was published in 2009 by the Swedish writer Fredrik Colting who has hidden under the pen-name J.D. California. The American Court has already forbidden to publish the sequel in the USA. But in Europe the book is published in English and in translations.

The Russian translation has the name «In the Rye in the Evening. 60 years Later».

ББК 83.3(7)

ISBN 978-5-248-00697-7

ИНИОН РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Писатель-затворник Дж.Д. Сэлинджер.....	8
Холден Колфилд – незаменимый герой.....	13
Лингвостилистический анализ романа «Ловец во ржи»	26
О русских переводах «Ловца во ржи»	34
Спустя 60 лет	46
Мемуары Маргарет Сэлинджер «Ловец мечты».....	59
Заключение	67
Список литературы	69

ВВЕДЕНИЕ

Александрю Пиперскому

Американский писатель Джером Дэвид Сэлинджер (1919–2010) выпустил свой роман «Ловец во ржи» в Бостоне в 1951 г. (77). Роман «The Catcher in the Rye» переводился на русский язык трижды. В 1960 г. его перевела Р. Райт-Ковалева и назвала перевод «Над пропастью во ржи» (21). В 1998 г. под названием «**Обрыв** на краю ржаного поля **детства**» роман перевел Сергей Махов (22). В 2008 г. в переводе Максима Немцова роман «Ловец во ржи» получил название «Ловец на хлебном поле» (23).

Дж.Д. Сэлинджер создавал свое произведение «Ловец во ржи» на протяжении десяти лет. В 1946 г. в журнале «Нью-Йоркер» был опубликован рассказ Сэлинджера «Слабый бунт неподалеку от Мэдисон-авеню» («Slight rebellion off Madison»), который является вариантом четырех глав «Ловца во ржи» (гл. 15, 17, 19, 20). Этот рассказ был приобретен журналом еще в 1941 г., но его тогда не напечатали в связи со вступлением США во Вторую мировую войну. Рассказ же «Слабый бунт неподалеку от Мэдисон-авеню» отличается резкой антивоенной настроенностью. В 1945 г. американский журнал «Кольерс» опубликовал новеллу Сэлинджера «С ума сойти» («I am Crazy»). Ее отрывки вошли в три главы романа «Ловец во ржи» (гл. 1, 2, 22).

В 1948 г. одно из американских издательств приняло к публикации «Ловца во ржи», но Сэлинджер неожиданно забрал роман для доработки и трудился над ним еще несколько лет. Когда роман наконец вышел в свет, он имел грандиозный успех, оказал влияние

на школьную и студенческую молодежь США в 50-е и 60-е годы XX в. И сегодня, спустя более шести десятилетий после публикации романа, читатели восхищаются абсолютно безупречным описанием юности и мятущимся героем Холденом Колфилдом.

Роман «Ловец во ржи» постоянно переиздается во многих странах. В 1974 г. критики писали, что роман продается в количестве 250 тыс. экземпляров в год, а в 1998 г. эта цифра достигла 400 тыс. экземпляров ежегодных продаж. В 2011 г. журнал «Американская литература» сообщил, что количество проданных экземпляров романа «Ловец во ржи» превышает несколько десятков миллионов.

Один из американских критиков назвал в своей статье Сэлинджера таким провидцем, какими были Ралф Уолдо Эмерсон и Уолт Уитмен, и таким же законченным мастером, как поэт Томас Элиот и писатель Уильям Фолкнер.

Идейным содержанием романа «Ловец во ржи» критики считают требование «любви ко всем». Ведь «спасение человека» Сэлинджер, несомненно, видит в урегулировании вопросов духа, этики и морали, в стремлении к совершенствованию людской природы и в вере в гомоцентрический гуманизм. Недаром же одно из многочисленных исследований творчества знаменитого американского писателя носит название «Любовная песнь Дж.Д. Сэлинджера» (69). Автор статьи, американский литературовед Артур Майзенер, называет роман «Ловец во ржи» лирическим монологом, в котором решаются не социальные, а эмоциональные проблемы бытия.

Другой американский литературовед Дейн Уэйкфилд в статье «Поиск любви» (86) пишет, что концепция любви в романе столь велика, что отсутствие таковой или явное притворство в любви погружают читателя в раздумье о бессмысленности человеческого существования. Сотрудник журнала «Сатердей Ревю» и преподаватель литературы Грэнвилл Хикс в статье «В поисках мудрости» (55) утверждает, что основная тема романа «Ловец во ржи» – это сострадание, т.е. жалость ко всем тем людям, кто сам не умеет любить и кого никто не любит. А мудрость состоит в том, что нужно жалеть и любить и тех людей, которые тебя обижают, т.е. даже врагов.

В свое время Э. Хемингуэй сказал, что вся современная американская литература вышла из одной книги Марка Твена, которая называется «Гекльберри Финн»¹. Вот и роман «Ловец во ржи» критики часто соотносят с «Приключениями Гекльберри Финна».

Эдгар Бренч в статье «Марк Твен и Дж.Д. Сэлинджер. Исследование литературной преемственности» уверяет читателя в том, что «Ловец во ржи» фактически «является разновидностью “Гекльберри Финна” в современном одеянии» (32, с. 206). Текст Сэлинджера, по мнению критика, характеризуется вполне знакомой ему ритмичностью и твеновскими художественными приемами. Творческое воображение этих двух писателей, которые превращают отдельный факт и частное мальчишеское сознание «в экспрессивное, драматическое повествование, потрясающе аналогично» (32, с. 206). Автор статьи вовсе не предлагает искать какое-нибудь прямое, непосредственное влияние текста Марка Твена на роман Сэлинджера, но считает, что литературное родство этих двух произведений несомненно свидетельствует о культурной преемственности в прозе Соединенных Штатов. Дело в том, что, как Марк Твен, так и Сэлинджер, убеждает нас автор статьи, создают параллельные мифы об американском юноше, который оказывается лицом к лицу со взрослым миром, причем Гек Финн бродит по стране много месяцев, а Холден Колфилд – всего три дня.

Артур Хейзерман и Джеймс Миллер-младший полагают, что Сэлинджер переносит известную старую традицию в современную жизнь. Холден Колфилд нуждается в стабильности и любви, а вместо этого он видит вокруг себя похоть, лицемерие, обман и страх, т.е. те же пороки, которые ожидают Гека Финна на берегах Миссисипи (54). Трагедия Холдена состоит в том, что ему уже исполнилось 16 лет, но и Гекльберри Финну было лет 14. Они оба оплакивают навеки потерянное детство, которое никак невозможно вернуть. Холден и Гек Финн рассказывают свои истории собственным языком, но именно в их языке в обеих книгах содержится значительная доля юмора. Двойник Гека Финна Холден Колфилд в XX в. выражается и резче, и живее, чем предшественник, притом

¹ Краткая литературная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т. 7. – С. 426.

что его отношение к враждебному и жестокому миру, в котором он чувствует себя временным жильцом, аналогично ощущениям твеновского героя (54). Лесли Фидлер пишет о непреходящем культе ребенка и постоянной мечте о невинности в англосаксонской и американской литературах. Именно эти черты он находит и у Марка Твена, и у Джерома Дэвида Сэлинджера, и у Джека Керуака. Гек Финн невинен, невежествен и презирает авторитеты; Холден Колфилд в своем неэффективном юношеском бунте против всех попадает в конце концов в руки психиатра. Герои романа Джека Керуака «На дороге» никак не могут приспособиться к требованиям взрослого общества. Одним словом, трактовка юношества в американской прозе XX в., как видим, зачастую представляет собой «просто современную адаптацию сентименталистских прототипов», – полагает Лесли Фидлер (39, с. 233).

И Гек Финн, и Холден Колфилд оказываются «Хорошими Плохими Мальчиками» американской литературы, по мнению Фидлера. Их мечта состоит в том, чтобы удалиться от цивилизации и вернуться назад в естественную природу. Как и Геку, Холдену не нужна общечеловеческая мораль, оба они обладают собственным чувством справедливости и оба являются судьями своей собственной морали и этики.

Альфред Кейзин, говоря о том, что Гекльберри Финна то и дело называют параллелью героя «Ловца во ржи», отмечает частичное несовпадение этих двух образов. Гек Финн, будучи на два года моложе Холдена Колфилда, «не боится мира взрослых людей» и даже в какой-то мере уважает таковой, а Холден никому и ничему не доверяет, ибо имеет свои представления об окружающей его жизни (63, с. 51).

Американские критики рассказывают и о влиянии на творчество Дж.Д. Сэлинджера русских классиков Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Тот же Альфред Кейзин напоминает, что Сэлинджер в одном из рассказов цитирует слова Достоевского о том, что ад – это невозможность любить. Об этом пишут и другие американские исследователи. «Война и мир» и «Анна Каренина» Толстого, полагают критики, подсказали Сэлинджеру, что описание простоты и

ясности душевных движений должно стать основной характеристикой героя «Ловца во ржи».

Наконец, о жанровой структуре «Ловца во ржи». Двое из переводчиков этого произведения на русский язык (Р. Райт-Ковалева и С. Махов) называют «Ловца во ржи» повестью. Для американцев «The Catcher in the Rye» – роман, т.е. «novel» (49, с. 261; 83, с. 39). Как известно, **повесть** в мировой литературе «чаще всего четко не вычленяется», ибо это промежуточный жанр между **рассказом** и **романом**². А поскольку роман обычно изображает человека в различных аспектах жизненного процесса, причем в прозаической форме, то «Ловец во ржи», несомненно, является романом.

ПИСАТЕЛЬ-ЗАТВОРНИК Дж.Д. СЭЛИНДЖЕР

Джером Дэвид Сэлинджер (1919–2010) родился в Нью-Йорке. Он был сыном Сола Сэлинджера, успешного оптового торговца копченостями и сырами, еврея по национальности. Его мать Мэри Джиллик, шотландско-ирландского происхождения, выйдя замуж за Сола Сэлинджера, сменила имя на Мириам. У Джерома Дэвида братьев не было, а сестра Дорис была на восемь лет старше его (1911–2001). Дома мальчика называли Санни и отдали учиться в государственную школу нью-йоркского района Манхэттен, где жила семья.

Когда Санни исполнилось 13 лет, его перевели в школу Мак-Берни, также в Манхэттене, откуда спустя год он был исключен за неуспеваемость. В 1934 г. 15-летнего Санни направляют учиться в военную школу Вэлли-Фордж (штат Пенсильвания), где соученики уже называли его Джерри, а школу он окончил в 1936 г. Там Сэлинджер написал стихотворение об этой школе, в котором говорится: «Наши тела ушли из Вэлли-Форджа. Наши сердца остались там» (85, с. 12). Будущий писатель сочиняет свои первые рассказы также в Вэлли-Фордже, причем делает это по ночам, спрятавшись

² Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НКП «Интелвак», 2001. – С. 752.

под одеялом, при свете ручного фонарика, ибо ночью в школе все лампы должны были быть выключенными (58).

Учась в школе Вэлли-Фордж, Сэлинджер помещал рассказы в ученическом литературном журнале, а будучи уже старшеклассником, редактировал школьный ежегодник, пел в хоре и активно участвовал в драматических представлениях. В 1938 г. он поступает в Урсинус-колледж, опять-таки в Пенсильвании, где возобновляет свое литературное творчество, ведет юмористическую колонку в еженедельной студенческой газете. Правда, он проучился в этом колледже всего один семестр, ибо не выносил формальных требований академического образования.

В 1939 г. Сэлинджер поступил на вечернее отделение в Колумбийский университет, чтобы прослушать курс лекций о коротком рассказе редактора журнала «Стори» Уита Бернетта (1899–1973). Весной 1940 г. Сэлинджер опубликовал в журнале «Стори» свой первый рассказ «Молодые люди» («The Young Folks»).

В 1942 г. Сэлинджер был призван в армию и служил до конца Второй мировой войны. Будучи в армии, писатель возил с собой портативную пишущую машинку и продолжал писать рассказы. После 1945 г. он работал в контрразведке пехотного полка, где допрашивал пленных офицеров из нацистской армии. Вернувшись после войны в Нью-Йорк, Сэлинджер поселился с родителями и продолжал литературную работу. Рассказ «Хорошо ловится рыбка-бананка» («A Perfect Day for Bananafish») был напечатан в журнале «Нью-Йоркер» в 1948 г.

В 1940–1948 гг. Сэлинджер опубликовал в журналах «Стори», «Космополитен», «Эсквайр», «Кольерс» и др. 20 рассказов, не вошедших затем в его сборник (49, с. 259). В 1951 г. вышел в свет знаменитый роман «Ловец во ржи», над которым писатель работал десять лет. Сборник «Девять рассказов» напечатан в 1953 г., сборник «Фрэнни и Зуи» – в 1961 г., сборник «Выше стропила, плотники. Симор: знакомство» – в 1963 г., повесть «Хэпворт 16, 1924» – в 1965 г. Таково литературное наследие американского писателя Джерома Дэвида Сэлинджера (76, 77, 78, 79, 80).

В 1953 г. Сэлинджер, который до этого жил на Восточной 57-й улице района Манхэттен в Нью-Йорке, «вообще убежал от мира

литераторов и переехал на территорию, размером 90 акров³, на лесистой возвышенности в Корнише» (68, с. 2). Это отдаленный деревенский поселок в штате Нью-Гэмпшир на востоке США. Дом, который приобрел Сэлинджер, стоит на отвесном берегу реки Коннектикут за высокой стеной, заслоненный деревьями. К дому ведет каменистая тропа, которая извивается на несколько миль вверх по холму.

Первое время писатель навещался в Нью-Йорк, где на одной из вечеринок он познакомился с 18-летней студенткой Клэр Дуглас. В 1955 г., когда Клэр было около 20 лет, а Сэлинджеру 36, они поженились, и она переехала жить в его дом. Поскольку желание одиночества у Сэлинджера возросло, он потребовал, чтобы Клэр прекратила всякие контакты с подругами и с семьей. Вскоре он соорудил небольшую хижину на расстоянии мили от дома в лесу и проводил там большую часть дня за работой.

В 1955 г. у Сэлинджеров родилась дочь Маргарет, а в 1960 г. появился сын Мэтью, который ныне работает актером и продюсером в Калифорнии (58). К 1966 г. жизнь в изоляции от мира, родных и друзей так повлияла на жену Сэлинджера Клэр, что она предложила мужу развестись. Развод был оформлен в 1967 г.

Чем больше писатель искал уединенности, тем более знаменитым он становился, особенно после того, как на обложке журнала «Тайм» в 1961 г. появилась его фотография. Журналистским «спортом» стала для журналов и газет посылка репортеров в штат Нью-Гэмпшир, чтобы они увиделись и поговорили с Сэлинджером. А он тратил все больше времени и энергии на то, чтобы избежать «встречи с миром», по его же словам. «И эта неуловимость только добавляла мифов о его жизни» (68, с. 3). Достаточно сказать, что даже автор двух монографий о Сэлинджере (в 1963 и 1988 гг.), американский литературовед и критик Уоррен Френч, так и не был знаком с писателем (43; 44).

В статье «Дж.Д. Сэлинджер говорит о своем молчании», опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс», Лейси Фосбург пишет, что ей в 1974 г. удалось поговорить с ним. Сэлинджер прервал свое 20-летнее молчание в связи с тем, что некто неизвестный вы-

³ Акр – примерно 0,4 гектара.

пустил два тома пиратского издания под названием «Полное собрание неизданных коротких рассказов Дж.Д. Сэлинджера»⁴. Писатель подал в суд на таинственного публикатора и на 17 книжных магазинов, продававших двухтомник. Книжным лавкам продажа была запрещена, но таинственного издателя и его помощников выявить не смогли (42, с. 3).

В связи с этой ситуацией Сэлинджер заявил журналистке, что публикация двухтомника явилась ужасным вторжением в его частную жизнь, что он любит писать и пишет теперь «для самого себя, для своего собственного удовольствия» (42, с. 1). На вопрос, станет ли он публиковать свои новые произведения, Сэлинджер ответил, что у него нет контракта на издание новой книги, что он и не хочет, чтобы ее публиковали посмертно, но что он работает очень много и ежедневно, поскольку ему нравится писать для себя. И заключил: «Я расплачиваюсь за такую позицию. Меня считают странным, отчужденным человеком. Но все, что я делаю, это не что иное как попытка защитить себя и свою работу» (42, с. 4).

В конце 80-х годов Дж.Д. Сэлинджер снова женился, его женой стала Колин О'Нил, медсестра, которая была младше писателя на несколько десятков лет.

В 1984 г. к Сэлинджеру обратился английский литературный критик Ян Гамильтон с предложением написать его биографию. Писатель, конечно, это запретил, объяснив, что он и так переживает все приставания и потерю уединенности, какие только могут быть в жизни человека (68, с. 3). Однако Ян Гамильтон не отказался от своего намерения, и в 1986 г. Сэлинджер подал на него в суд, чтобы предотвратить использование цитат из его неопубликованных писем, которые тот нашел в трех американских университетских библиотеках. Их сдали туда адресаты писем, т.е. друзья, знакомые и женщины, за которыми Сэлинджер в молодости ухаживал.

Дело против Яна Гамильтона в конце концов попало в Верховный суд. В результате книга была напечатана в 1988 г., но со всеми изменениями, которых потребовали писатель и Верховный суд (51). Начиная с 60-х годов в мире издано много работ о био-

⁴ *Salinger J.D. The Complete uncollected short stories of J.D. Salinger. Vols. 1, 2. – Пиратское издание.*

графии и творчестве Сэлинджера, но писатель против этого не протестовал. Так, в Лос-Анджелесе вышла книга Поля Александра «Сэлинджер. Биография» (30). Она была опубликована 15 июля 1999 г. Это первая подробная биография писателя после книги Я. Гамильтона. Хотя Александр описывает и случаи ухаживания Сэлинджера за девушками, писатель не судился с ним и не предпринимал никаких попыток запретить продажу книги, как это было с биографией, написанной Яном Гамильтоном.

В 2000 г. дочь Сэлинджера Маргарет приехала из Бостона, где она живет, в Нью-Йорк и остановилась в отеле «Плаза» под вымышленным именем. Дело в том, сказала она, что так называемые «сэлинджеровские психи» пишут угрожающие письма ее семье. И еще она боялась, что затворник-отец может помешать публикации ее мемуаров о нем (82, с. 1).

Книга Маргарет Сэлинджер «Ловец мечты. Мемуары»⁵ рассказывает не только о ее собственной жизни в качестве дочери Дж.Д. Сэлинджера, но и открывает прежде неизвестные и глубоко личные факты биографии ее знаменитого отца (81). М. Сэлинджер пишет, что, издавая книгу, она подвергает себя риску, что отец может перестать с ней разговаривать, а все читатели могут подумать, что это попытка заработать на его имени. Однако отец не разговаривал с дочерью после публикации книги всего год, а критическая пресса книгу весьма хвалила.

Маргарет написала «Ловца мечты», чтобы поведать читателям о своих необычных детских годах, опубликовать фотографии своего молодого красивого отца, наблюдающего с сияющей улыбкой за тем, как она учится ходить и играть на пианино. Она также вспоминает, что в отеле «Плаза» они с отцом навещали ее крестного Уильяма Шона, тогдашнего редактора журнала «Нью-Йоркер».

Маргарет Сэлинджер считает, что отец любил ее, но при этом был патологически эгоцентричным, поскольку ничто не могло отвлечь его от работы. Он также часто ругал ее мать, т.е. свою тогдашнюю жену Клэр, которую не выпускал из дому в Корнише

⁵ *Salinger M.A. Dream catcher: A memoir.* – N.Y.: Washington Square Press, 2000. – 400 p.

почти как пленницу. Он знал иностранные языки, зачастую постился и уделял много времени изучению индийской мистики. Маргарет подробно рассказывает об участии Сэлинджера во Второй мировой войне и многократно рассматривает его роман «Ловец во ржи», повести и рассказы, в том числе и те, которые он не захотел издавать отдельной книгой. О себе она пишет, что училась в двух университетах, замужем за оперным певцом и имеет сына.

В 2009 г. Дж.Д. Сэлинджер подал в суд на шведского писателя Фредрика Колтинга, который написал роман «60 years later: Coming through the eye» под псевдонимом Джон Дэвид Калифорния. Роман является продолжением «Ловца во ржи», и в нем Холдену Колфилду, герою сэлинджеровского произведения, уже 76 лет (34). Сэлинджер требовал запрета этого романа, но после многомесячной судебной тяжбы было запрещено распространять продолжение «Ловца во ржи» только в США, но не в Европе и не в переводе (8).

Джером Дэвид Сэлинджер скончался в своем доме в Корнише 27 января 2010 г. в возрасте 91 года. У него остались жена Колин, дочь Маргарет, сын Мэтью и трое внуков (59).

ХОЛДЕН КОЛФИЛД – НЕЗАМЕНИМЫЙ ГЕРОЙ

После того как 27 января 2010 г. в своем доме в поселке Корниш скончался знаменитый писатель Джером Дэвид Сэлинджер, американская газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала 28 января в рубрике «Высокая оценка» две статьи – «Дж.Д. Сэлинджер, литературный отшельник, умирает в возрасте 91-го года» (68) и «О беспокойстве подростков и об отчуждении автора» (62). Вторую статью написала Митико Какутани (род. 1955 г.), американка японского происхождения, которая является влиятельным ведущим критиком газеты «Нью-Йорк таймс». М. Какутани была удостоена Пулитцеровской премии за литературную критику. Ее статья о Холдене Колфилде начинается с утверждения о том, что Сэлинджер обладал безошибочным умением описывать беспокойство, уязвимость и ранимость американских подростков, а также «их

мысли, тревоги и крушения надежд» (62). Не удивительно, пишет она, что «Ловец во ржи» – это любимая книга юношества на протяжении шести десятков лет. Ведь книга ясно показывает, что такое юношеская чувствительность и что такое раннее понимание сложнейших проблем человеческого существования.

Холден Колфилд, как и другие молодые люди в творчестве Сэлинджера, является аутсайдером абсолютно вульгарного материалистического мира. Он не приспособлен к преодолению юношеского отчуждения и отчаянно стремится полностью сохранить детское простодушие. Ведь недаром же Холден мечтает стать **ловцом во ржи**, который будет спасать детей от падения в глубокий овраг.

Холден Колфилд и подобные ему юнцы жаждут подлинной правды жизни, а мир взрослых они подразделяют на две категории – настоящих людей и фальшивых обманщиков, шарлатанов. Иными словами, это те мудрые люди, которые понимают, какая поэзия свойственна окружающим вещам, и те грубые, слабоумные идиоты, которые такой поэзии никогда не поймут. К последним относятся многие: напыщенные студенты колледжей, жирные театралы, самодовольные хвастуны и сплетники, «разодетые в клетчатые сюртуки» (62).

Поклонники романа «Ловец во ржи» продолжают любить его спустя почти шесть десятков лет после публикации «за абсолютно безупречный портрет юности с ее **незаменимым** героем», – заключает М. Какутани (62).

Еще в 1977 г. Митико Какутани опубликовала в газете «Нью-Йорк таймс» статью о выходе в свет отдельной книгой повести Сэлинджера «Хэпворт 16, 1924», которая впервые была напечатана журналом «Нью-Йоркер» в 1965 г. (80). Повесть критику не понравилась, но она в этой статье попутно назвала Холдена Колфилда «воплощением юношеского беспокойства», а позицию Сэлинджера по отношению к окружающему миру объявила отчуждением (61).

Статья «Дж.Д. Сэлинджер, литературный отшельник, умирает в возрасте 91-го года» была написана сотрудником «Нью-Йорк таймс» Чарльзом МакГратом, и в ней подробно изложена биогра-

фия Дж.Д. Сэлинджера. Автор называет Холдена Колфилда самым известным американским литературным прогульщиком уроков после Гекльберри Финна. Он подчеркнул, что притягательная сила романа «Ловец во ржи» сохраняется по сей день. Ведь роман стал культовым после выхода в свет (68).

Английский критик Мартин Грин в статье «Создатель образа» (47) указывает, что Сэлинджер фактически воспеваает своего героя, описывая все превосходные качества Холдена Колфилда. Ведь Холден не только интеллигентен, но и красив, и высок ростом, и честен. Словом, писатель хочет, чтобы читатель романа искренне восхищался его героем. Еще в самом начале романа Холден, стоя на горке над школой, из которой его выгоняют, думает, что, расставаясь с каким-либо местом, нужно это особо прочувствовать. Такое представление о жизни в 16 лет кажется критику социально обусловленным.

Далее в разговоре со своим старым преподавателем Спенсером Холден хорошо понимает, о чем тот думает и что чувствует, тогда как сам подросток непонятен ни старику, ни его жене. По ходу книги все качества Холдена Колфилда – его прекрасное умение играть в гольф, танцевать и сочинять, его щедрость при необходимости тратить деньги, его способность разговаривать с детьми – все это определяет превосходство юноши над другими персонажами романа (47, с. 252).

В 1962 г. американский студент философского факультета Кристофер Паркер полагал, что многие молодые американцы могли бы отождествлять себя с героем «Ловца во ржи». Но при этом Паркер не думал, что Сэлинджер считает своего героя идеальным примером для всего юношества. Конечно, Холден ищет подлинной, чистой, невинной дружбы, но реальных идеалов, чтобы заменить фальшивые идеалы общества, у него нет (70).

Статья К. Паркера была напечатана в сборнике «Сэлинджер. Критический и персональный портрет», составленном Г.А. Гренвальдом (48). Сборник содержит более 20 статей, перепечатанных из 17 знаменитых журналов («Чикаго ревю», «Тайм», «Вашингтон пост», «Нью-Йорк таймс бук ревю», «Сатердей ревю» и др.) и взятых из пяти книг о творчестве Сэлинджера.

Во введении Генри Анатоль Гренвальд пишет, что цель составленного им сборника заключается в том, чтобы проиллюстрировать отношение критиков к творчеству магического писателя-рыцаря Сэлинджера и к образу святого юноши Холдена Колфилда. Ведь «мы очень нуждаемся и в святых, и в рыцарях», – полагает он (48, с. XXVII).

Холден мечтает удалиться от цивилизации, вернуться назад в невинную природу. Он страдает в мире, где недостаточно любви. Он бежит от так называемой респектабельности и обладает особой чувствительностью, особым протестом против мира взрослых людей, особым пониманием справедливости и особой моралью (48, с. 5). Поэтому Дэвид Стивенсон писал (в 1957 г.) в журнале «Нэйшн», что Холден Колфилд слишком чувствителен, слишком восприимчив, чтобы легко относиться к окружающему его миру. Так, он с отвращением отказывается от услуг присланной к нему в номер лифтером Морисом проститутки (83).

По мнению американского автора Альфреда Кейзина, Холден Колфилд умен, сообразителен и находчив. В романе «Ловец во ржи» все эти качества Холдена проявляются и в его мыслях, и в его монологе, и в его юношеской невинности, и в его любви к членам своей семьи, которых не любить невозможно. Он тоскует по своему умершему братику Алли и нежно относится к сестричке Фиби. При этом Холден полностью не приемлет несправедливость, безобразие, эгоманию и отсутствие любви в окружающей жизни (63).

Английский критик Дэвид Лейтч, сотрудник журнала «Таймс», вспоминает о том, что он несколько не удивлялся, когда в библиотеке Британского музея ему часто приносили заказанные им экземпляры журналов с рассказами Сэлинджера, в которых страницы с этими рассказами были вырваны. А среди них имелись и рассказы, которые потом вошли в роман «Ловец во ржи». Д. Лейтч пишет, что читатель романа больше узнает о Холдене Колфилде не из того, что он говорит и делает, а, скорее, из того, каким образом он излагает свои мысли. Сэлинджер использует идеоматические выражения американских подростков с такой виртуозностью, что к концу книги читатель легко воспринимает сленг

и запоминает его, понимая, например, что «старушка Фиби» – это просто «дорогая Фиби». Юноши, которые усматривают в описании образа Холдена Колфилда выражение их собственных основных принципов жизни, являются более сложными и менее уступчивыми, чем «склонны думать члены правительственных комиссий по работе с юношеством», – убежден автор статьи (64, с. 76).

Американский критик и эссеист Максвелл Гейсмар пишет в статье, взятой из его книги «Современные американские писатели» («American Moderns», 1958), что журнал «Тайм» в свое время назвал самого Сэлинджера **ловцом**, поскольку он смог понять юношеский ум и изложить это свое понимание безо всякой показухи (46).

Герой «Ловца во ржи» исключен из закрытой средней школы Пэнси в результате своего юношеского протеста. Холден «завалил» четыре предмета из пяти на экзаменах. Хорошо сдал он только английский, отчего Гейсмар и называет его единственным творческим учеником во всей школе и считает, что Холдену присуще глубокое, если не абсолютное понимание литературных стандартов. Холден физически слаб, но он не побоялся броситься на атлетически сложенного Стрэдлейтера и «спровоцировать его на драку» (46, с. 89). Если первая часть романа описывает заурядность типичной американской подготовительной школы, то далее идет эпизодический рассказ о двухдневной поездке Холдена по Нью-Йорку. В романе, по мысли М. Гейсмара, имеется много противоречивых элементов в ходе рассказа Холдена. Так, например, не показаны родители Холдена и Фиби. Если Холден Колфилд «действительно является представителем нонконформистского бунта 50-х годов, то он бунтарь без прошлого и, очевидно, безо всякой на то причины», – пишет М. Гейсмар (46, с. 90).

Преподаватель английского языка Гарвардского университета Уильям Вигенд в статье «Благородство Дж.Д. Сэлинджера» (48, с. 116–122) не согласен с теми из критиков, которые утверждают, что Холден восстает против общества. Он полагает, что проблемы находятся в характере самого героя, а не в обществе, и видит два симптома этого: неумение героя справляться с собственными эмоциями и его хроническую гиперчувствительность. Сэлинджер аб-

солютно честен с читателями, он чувствует их сердцебиение, их удовольствие и неудовольствие. Именно в «Ловце во ржи» это внутреннее побуждение писателя, которое было связано в небольшой степени с его ранними работами, наконец, полностью стабилизировалось и окрепло. Вот почему Холден Колфилд является жертвой отнюдь не общества, а своих собственных недостатков. Впрочем, умаление достоинства юношества в какой-то степени было свойственно творчеству многих писателей – от Гёте и до Хемингуэя, уверен У. Вигенд (48, с. 117).

Американский теоретик литературы и писатель Ихаб Хассан полагает, что Сэлинджеру принадлежит самая лучшая художественная проза XX в., ибо роман «Ловец во ржи» прекрасно описывает ранимость героя. Холден Колфилд только борется против лжи, он даже не ищет правду, но его чувствительность к порокам окружающего мира сочетается с полной непримиримостью по отношению к самому себе. Отсутствие своекорыстия и заботы о себе делают Холдена Колфилда едва ли не святым. Особенно поражает читателя умение героя «откалывать грубые шутки, когда жизнь его едва ли не висит на волоске», – отмечает Хассан (48, с. 149).

С того момента, когда Холден Колфилд оставляет позади школу Пэнси, т.е. оставляет позади Стрэдлейтера, Экли, всех придурков, подлиз и врунов, когда он надевает свою красную охотничью шапку, мы уже знаем, что оказываемся на пороге искреннейшего самовыражения героя, даже – его самопознания. Благодаря образу Холдена писателю удается показать, что мир сходит с ума, но это только «результат юношеской нестабильности героя», – убежден Ихаб Хассан (48, с. 151).

Джон Романо, преподаватель английского языка Колумбийского университета, в статье «Сэлинджер исполнял нашу песню», напечатанной в 1979 г. в газете «Нью-Йорк таймс», писал, что спустя почти 30 лет со времени опубликования романа «Ловец во ржи» все читатели очень хорошо помнят его содержание (75). Холден Колфилд для большинства читателей является старым другом, их вторым «я». Он постоянный противник всего неискреннего, поддельного как в обществе, в науке, так и в сексуальных отношениях.

Учащиеся рассказывали Джону Романо, что Холден Колфилд все еще остается героем для многих студентов колледжей и университетов. Ведь лицемерие с 1951 г. за прошедшие 25 лет нисколько не изменилось, а Холден Колфилд оказался героем, разоблачающим лицемеров. Однако при этом автор считает, что Холден не всегда справедливо судит о мире: ведь и плохое, и хорошее в жизни равно угнетают его. Именно в этом упрекает Холдена сестричка Фиби в одном из лучших эпизодов романа, требуя назвать хоть какую-нибудь вещь, которая ему нравится. Но Холден не смог ей ответить, он сказал, что не может сконцентрировать свое внимание на этой теме. Вот почему Романо и считает текст Сэлинджера «честным и благородным художественным произведением» (75, с. 4).

Сотрудник «Школы журнализма» для выпускников Колумбийского университета Фред Брэйтмен писал в 1979 г. в газете «Нью-Йорк таймс», что, по его мнению, Холдену Колфилду исполнилось уже 50 лет, поскольку самый первый рассказ о нем был напечатан в декабре 1945 г. в журнале «Кольерс» под названием «С ума сойти» («I am crazy»). В этом рассказе Холдену 16 лет, а в 1979 г. ему должно было бы исполниться уже 50 лет.

Фред Брэйтмен, которому в 1979 г. было только 23 года, пишет, что Холден «мог бы быть его отцом» (33, с. 1). Он называет Холдена Колфилда своим личным другом, поскольку оба они думают одинаково. Для него, признается Фред Брэйтмен, Холден всегда будет оставаться юнцом, видящим насквозь окружающий мир и подшучивающим над своими собственными проблемами (33).

Даниил Роумер из университета штата Кентукки (США) упоминает те две личности, которыми представляется Холден Колфилд. В вагоне поезда он беседует с дамой, увидевшей школьную наклейку на одном из его чемоданов. Он называет себя Рудольфом Шмидтом и говорит, что у него крохотная опухоль в мозгу, но что он скоро уезжает с бабушкой в Южную Америку. А перед Стрэйдлейтером Холден валяет дурака, выдумывает, будто он сын губернатора, которому отец не позволяет стать танцором, а посылает учиться в Оксфорд (74). Холден сам комментирует эти свои поступки, говоря, что он очень любит выставляться, что ему нужна

публика для этого. Вообще, жизнь Холдена в романе характеризуют воспоминания о прошлом, ностальгия, а не то, что существует в настоящем времени. Ему противны как старое большое тело мистера Спенсера, так и чемоданы Дика Слейтера, ногти и заплеванные зубы Экли, улыбка монахини, гниющие головы мумий и т.д. При этом он тщательно избегает конфронтаций, хотя они и случаются. В результате читатель воспринимает Холдена Колфилда одновременно и как странную, и как симпатичную фигуру. Посредством Холдена Сэлинджер «показывает фиктивность статуса личности», – полагает Даниил Роумер (74, с. 10).

Преподаватель Калифорнийского университета в г. Санта-Барбара Д. Пекченино в статье в журнале «Американская литература» подробно анализирует исковое заявление Дж.Д. Сэлинджера и разбирательство в суде по поводу книги Яна Гамильтона о нем. Сэлинджер подал в суд в связи с ненадлежащим цитированием нескольких его писем. Но Ян Гамильтон получил доступ к этим письмам вовсе не нелегальным путем. Он пришел в три университетских библиотеки и попросил показать письма. Однако, согласно американскому законодательству, право на первую публикацию какого-либо текста имеет только автор этого текста.

Д. Пекченино сообщает, что в первом черновике книги Я. Гамильтона «В поисках Дж.Д. Сэлинджера» (51) было много цитат из писем писателя, а в экземпляре черновика, показанном в суде, «содержалось значительно меньше прямых цитат» (71, с. 601). Сэлинджер подал в суд в 1986 г., а два года спустя книга Яна Гамильтона все-таки вышла из печати.

В связи с изложением произошедшего судебного разбирательства Д. Пекченино приходит к выводу, что весь роман «Ловец во ржи» является письмом его главного персонажа Холдена Колфилда к читателю. Ведь текст романа есть исповедь Холдена, причем с самых первых же слов герой видит в читателе своего собеседника. Роман начинается условным предложением «Если вы действительно хотите услышать об этом...» (77, с. 1), где сразу же местоимение «вы» объявляет о нашем присутствии в качестве читателей. «Несмотря на то что Холден тратит почти всю первую страницу романа, чтобы объяснить нам, о чем он не будет далее рас-

сказывать, в конце романа он предполагает, что вообще не должен был нам рассказывать ни о чем», – пишет критик (71, с. 613). Это означает, по мнению Д. Пекченино, что Холден в ходе рассказа ничего не добился, но в то же время он ничего и не утерял. Он начинает и заканчивает свою повесть в санатории, куда его отправили отдыхать и лечиться.

Высказывали свое мнение о романе «Ловец во ржи» и о его главном персонаже Холдене Колфилде и русскоязычные литературоведы и критики.

Рита Райт-Ковалева (1898–1988), которая перевела роман «Ловец во ржи» (правда, она дала ему собственное название – «Над пропастью во ржи»), предварила свой перевод предисловием «К читателям» (18). Она считает, что Холден Колфилд не похож на других молодых героев писателя. Переводчица пишет, что Холден мечтает о конкретных делах. «Ему хочется **жить у ручья**, делать все своими руками, растить детей по-своему, самому учить их каким-то вещам» (18, с. 7). Кроме того, Холден любит, когда человек хорошо выполняет свою работу, но сам учиться он не хочет, а только уговаривает сестренку Фиби учиться.

Сэлинджер с необыкновенным мастерством сумел показать все противоречия в характере Холдена Колфилда, его собственную неустроенность и неумение приспособиться к жизни, полагает Р. Райт-Ковалева и добавляет, что о ценности жизни писатель говорит каждой строкой во всех своих произведениях.

М.Л. Тугушева в предисловии к советскому изданию романа Дж.Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» на английском языке в 1968 г. пишет, что вскоре после опубликования романа в Америке стал циркулировать памфлет, выпущенный «Комитетом противодействия канонизации Карла Маркса», в котором утверждалось, что Сэлинджер промывает мозги американским детям при помощи образа Холдена Колфилда, благодаря которому дети «станут восприимчивыми к марксистской пропаганде» (25, с. 8). В связи с этим роман «Ловец во ржи» попал в ряде американских колледжей в список запрещенных книг.

Бунтаря Холдена не устраивает отсутствие взаимопонимания между людьми, отсутствие самой элементарной человечности. Он

обладает обостренной чувствительностью на «фальшь», «липу» (по-английски – «phony»). В закрытой школе Пэнси, где он учится, все – «липа», притворство, лицемерие, обман. Кино, согласно роману Сэлинджера, представляет собой самую страшную «липу», т.е. средоточие утешительных иллюзий, предназначенных для неудачников. Поэтому Холден презрительно отзывается о кино, да заодно – и о театре, и о литературе. Правда, некоторые писатели ему нравятся.

Миру взрослых Холден противопоставляет мир детей, хотя и понимает, что уберечь детей от взросления невозможно. Во время его почти совершенно одинокого странствия по Нью-Йорку Холдена «особенно обескураживала безучастность людей друг к другу», отмечает М.Л. Тугушева (25, с. 14). Холден одинок, и он страдает от одиночества, причем его одиночество усугубляется тем обстоятельством, что он оказался в Нью-Йорке накануне Рождества, когда всюду вокруг предпраздничное оживление и суэта.

М.Л. Тугушева напоминает, что тема «взрослые – дети» идет в литературе США от Марка Твена и содержится в творчестве других американских писателей – Трумена Капоте, Харпер Ли, Карсон Мак-Каллерс, Юдоры Уэлти. В таких произведениях, как «Лесная арфа» Т. Капоте, «Убить пересмешника» Х. Ли, «Сердце – одинокий охотник» и «Часы без стрелок» К. Мак-Каллерс, «дети – носители добра, бескорыстия и романтизма» (25, с. 15). Вот и Холден Колфилд совсем, как ребенок, бескомпромиссно относится к окружающему миру, он наивен, резко разграничивает добро и зло, обуян страстью задавать вопросы. Словом, «автор держит своего героя в кругу детскости» (25, с. 17).

Л.С. Кустова, указывая, что «мир Сэлинджера – это мир детей», хотя роман рассказывает не только о школе, но и о взрослых людях и о жизни, подчеркивает, что в огромном людном городе Холден Колфилд очень одинок (10, с. 69). Он ненавидит романы Хемингуэя и Сомерсета Моэма, но любит поэзию, а также – творчество Ринга Ларднера и Скотта Фицджеральда. Ему даже хотелось бы позвонить хорошему писателю и поговорить с ним. «Он может день и ночь читать детские заметки, с удовольствием помогает маленькой девочке укрепить конек; очень волнует его вопрос,

куда деваются утки зимой, когда пруд в парке замерзает» (10, с. 70).

Холден стремится делать людям добро, мечтает найти хорошее в каждом человеке, он жаждет полезной деятельности. Холден испытывает отвращение при мысли о возможности войны и радуется, что изобретена атомная бомба. Он даже хотел бы сесть на эту бомбу, если начнется война. В желании Холдена Колфилда взорваться вместе с атомной бомбой, считает автор статьи, заключается его трагедия, выражается его ненависть к подделке, фальши и лицемерию. При этом ненависть Холдена «относится скорее к его собственному бессилию», ибо протест его пассивен, полагает Л.С. Кустова (10, с. 71).

Ю.Я. Лидский в книге «Очерки об американских писателях XX века» (11), где рассматривается творчество десяти писателей (от Уиллы Кэсер до Трумена Капоте), посвящает главу Дж.Д. Сэлинджеру, блестящий роман которого принес автору мировую известность. Писатель, по мнению критика, избрал для «Ловца во ржи» исключительно трудную форму романа-монолога, устной исповеди подростка.

Холден Колфилд воспринимается читателем «как живой человек, а его исповедь – искренний рассказ, обращенный к заинтересованному и дружески настроенному лицу» (11, с. 189). Противопоставляя школу Пэнси, в которой он учится, ее рекламному проспекту, Холден определяет главный предмет своей ненависти: «Все это вранье!» (77, с. 2). Он говорит на школьном жаргоне, но за его «внешней грубостью скрывается душевная чистота, деликатность и легкая ранимость» (11, с. 190). Больше всего Холден ненавидит всю фальшь окружающего его мира, т.е. «липу». Ю.Я. Лидский считает, что это анархический, стихийный бунт против всего того, что душит личность в мире индивидуализма. Одиночество Холдена совершенно невыносимо. Во всем огромном Нью-Йорке подростку даже некому позвонить по телефону, а он «жадно ищет хоть какую-нибудь отдушину, жаждет человеческого тепла, участия и понимания» (11, с. 195).

К концу романа, полагает Ю.Я. Лидский, читатель убеждается в том, что большому миру Холден противопоставляет только мир

детей, которых следует охранять от взрослых. Однако утопичность этой мечты героя «Ловца во ржи» подчеркивается его же словами, что «наверно, и после его смерти на его могильном камне кто-нибудь обязательно напишет нецензурное слово» (11, с. 195).

Ю.Я. Лидский отмечает, что некоторые американские критики, анализируя образ Холдена Колфилда, приходят к выводу о том, что в конце исповеди героя звучат какие-то примиренческие ноты, что Холден сдает свои бунтарские позиции. Ю.Я. Лидский с этим не согласен, он уверен, что все содержание романа «Ловец во ржи» противоречит подобным утверждениям (11, с. 196).

Конечно, роман заканчивается несколько неожиданно, поскольку Холден говорит, что ему **недостает** («I sort of miss») всех тех, о ком он рассказывал, причем – даже Стрэдлейтера и Экли, даже лифтера Мориса. Два последних предложения романа таковы: «Никогда не рассказывайте никому ничего. Если расскажете, то вам начнет не хватать всех» (77, с. 214). На взгляд Ю.Я. Лидского, здесь намечается мысль о том, что ненависть, которая имеет «в своей основе принципиальные мотивы, не должна низводиться до личного плана» (11, с. 196). Такая трактовка окончания романа представляется критику наиболее правильной.

А.С. Мулярчик в предисловии к сборнику произведений Дж.Д. Сэлинджера, изданному в 1991 г. в Москве издательством «Правда», напоминает, что изложенные в романе «Ловец во ржи» события происходят в сочельник 1949 г. Главное обвинение, которое сэлинджеровский подросток бросает окружающему миру, – это обвинение в фальши, в сознательном, а потому особенно отвратительном притворстве, в показухе, в «липе», причем психологический портрет сэлинджеровского героя «исключительно противоречив и сложен» (15, с. 5). Дело в том, что Холден обидчив, стеснителен, иногда нелюбезен, а порой позволяет себе непростительные выходки: пускает дым сигареты в лицо симпатичной ему собеседницы или громким смехом оскорбляет любимую девушку.

Холден инфантилен не по возрасту, ибо сам признает, что иногда ведет себя так, будто ему не более 13 лет. В связи с этим А.С. Мулярчик отмечает, что нежелание Холдена Колфилда походить на взрослых все-таки скорее эмоционально, чем осознанно:

«Чувство обгоняет у него мысль» (15, с. 6). При этом он проявляет ненасытную жажду справедливости и открытости в человеческих отношениях. Но более всего угнетает Холдена ощущение «безысходности, обреченности всех его попыток построить свою жизнь в соответствии с возвышенным гуманистическим идеалом» (15, с. 6).

В оценках массовой культуры герой романа Сэлинджера руководствуется этическим, а не эстетическим критерием, полагает А.С. Мулярчик. Холдену важна более всего искренность артиста или писателя. Так, он отвергает «Прощай, оружие» Хемингуэя, «обвиняя его в неискренности и позерстве» (15, с. 8).

Концовку романа «Ловец во ржи» А.С. Мулярчик считает ироничной и парадоксальной. Холден и Фиби Колфилды не бегут на неведомый Дальний Запад, а остаются в Нью-Йорке, поскольку они все еще дети, а также потому, что «бежать всегда проще, нежели, собравшись с духом, продолжать отстаивать гуманистический идеал – бесхитростный и очевидный, как и все романтические грезы юности» (15, с. 9). Десятилетия, прошедшие со времени публикации романа «Ловец во ржи», пишет автор предисловия, показали, что «различные аспекты книги Сэлинджера по-разному воспринимались сменявшимися поколениями американской молодежи» (15, с. 10). Нынешние американские молодые идеалисты чтят в Холдене Колфилде «одного из своих литературных провозвестников» (15, с. 11). А все потому, что ореол, окружающий роман «Ловец во ржи», не меркнет с годами.

Произведения Дж.Д. Сэлинджера начали изучаться литературоведами и критиками вскоре после выхода в свет романа «Ловец во ржи» в 1951 г. В 1957 г. стал собирать библиографию критической литературы о творчестве Сэлинджера школьный учитель из города Луисвилля (штат Кентукки) Дональд Фини. К 1963 г. он собрал около полутора тысяч названий работ о творчестве Сэлинджера и опубликовал свою библиографию в журнале «*Wisconsin Studies in Contemporary Literature*». В эту библиографию входят работы о Сэлинджере, написанные на 20 языках (40).

Наибольшее внимание авторов работ о Сэлинджере привлекает, конечно, образ Холдена Колфилда, которого называют бунта-

рем, мечтателем, борцом против лжи, противником неискренности, восстающим против мира взрослых людей. Словом, не одно поколение критиков относилось к Холдену Колфилду с сердечным умилением. Но можно найти и противоположное мнение. Так, в одной из монографий 80-х годов прошлого века мы находим характеристику Холдена Колфилда как истеричного, капризного юноши, который мучается смутной неудовлетворенностью от того, что общество не соглашается признать его идеи и выдумки гениальными и отказывается принять его с распростертыми объятиями в свое лоно (2).

Впрочем, каждый литературный критик имеет право на свое собственное суждение. Автор же настоящего обзора считает, что Дж.Д. Сэлинджер видит «спасение человека» в урегулировании проблем духа, этики и морали – вне всякой связи с тем или иным современным обществом.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОМАНА «ЛОВЕЦ ВО РЖИ»

Философской основой романа «Ловец во ржи» является экзистенциализм, т.е. философия существования, получившая особое распространение в мире в 40–50-х годах XX в. По мнению американского критика С. Финкелстайна, Дж.Д. Сэлинджер нарисовал в своем романе мир отчуждения, причем писатель одним из первых американских художников испытал влияние экзистенциализма, нового типа психологии, сложившегося в ходе исторических событий XX в.

В американском литературоведении существовали различные подходы к творчеству Сэлинджера: социологический, структуралистский, лингвистический, фрейдистско-юнгианский, «мифологический» и проч., но экзистенциалистский подход, позволяющий изложить ряд модусов человеческого существования (заботы, страха, решимости, совести и др.), наиболее полно отражает описанный в романе «Ловец во ржи» мир (4, с. 15–16).

Писатель наделяет своего героя Холдена Колфилда бескомпромиссным отношением к окружающей действительности, представлением о резкой ограниченности добра и зла, наивностью, «страстью задавать вопросы» (25, с. 16).

Исключенный из школы подросток Холден Колфилд находится в «бегстве» и в «поисках», хотя бежать ему некуда, а поиски Холдена приводят его обратно домой. Критики считают Холдена «одним из самых одиноких героев во всей мировой литературе» (25, с. 14). Он одинок и беспрестанно жалуется на одиночество, стремится пробудить сочувствие к себе, чему соответствует и форма романа «Ловец во ржи», романа-монолога, романа-исповеди. Это протест против отчуждения, против обособленности индивида в обществе.

Стиль романа «Ловец во ржи» восходит, по мнению М. Тугушевой, к разговорной речи и к сленгу в рассказах Марка Твена и американского писателя-сатирика Ринга Ларднера (Lardner R.W. 1885–1933), что позволяет автору дать существенную характеристику Холдена Колфилда. «Стилистическое мастерство Сэлинджера, однако, лишь одно из художественных достоинств романа и существует не само по себе, а в подчинении общему идейному замыслу» (25, с. 18). Решая вопрос о смысле жизни, Сэлинджер противопоставляет личность обществу, но только от нее и ждет спасения внешнего мира, ждет возможности утверждения подлинно гуманных отношений в обществе.

Бунтарь Холден Колфилд хорошо знает, что именно он любит и что ненавидит. М. Тугушева считает, что он самый привлекательный из всех героев Сэлинджера. Роман «Ловец во ржи», будучи романом протеста, обладает и положительным моральным зарядом. «Он даровал молодому американцу определенную “перспективу”: протест должен сочетаться с настоятельными поисками “достойной цели”. Это – роман чувства, но чувства активного, готового к действию», – заключает М. Тугушева (25, с. 20).

Американский критик-лингвист Доналд П. Костелло в статье, касающейся языка «Ловца во ржи», пишет о лингвистической значимости прозы Сэлинджера. Ведь роман, предсказывает Д.П. Костелло, будет изучаться не только как литературное произ-

ведение, но и как юношеский, подростковый жаргон 50-х годов XX в., ибо роман от первого до последнего слова написан как монолог Холдена Колфилда.

Однако хотя язык Холдена представляет собой аутентичный молодежный жаргон, это не было единственной целью писателя. Сэлинджер осуществил художественную задачу создать индивидуальный характер героя. Правда, Холден Колфилд говорит на общем молодежном жаргоне, но он в то же время яркая индивидуальность, имеющая вполне определенные черты характера. В своей речи Холден одновременно и типичный подросток, и совершенно неординарная личность.

Так, если обычно американские подростки заканчивали мысль ненужным паразитическим словосочетанием «and all» (и все такое прочее, и всякое такое), у Холдена «and all» и аналогичные выражения «or something», «or anything», имеющие то же значение, служат для того, чтобы показать, что он знает кое-что, но не хочет об этом говорить (36, с. 267).

Персональная особенность речи Холдена, конечно, соответствует общей характеристике просторечия американских подростков, она типично вульгарна и неприлична, но все же он избегает наиболее грубых словечек. Самое грубое американское ругательство «f... you» (...твою мать) он сам не употребляет, а только видит написанным в школе на стене и возмущается этим (77, с. 201).

Вульгаризм «goddam» («god-damned»), т.е. проклятие, передается, по мнению Д.П. Костелло, эмоциональное отношение Холдена к тому или иному объекту (36, с. 269).

Такие грубые слова, как «ass» (задница, козел) и «hell» (пекло), часто употребляются Холденом в составе банальных выражений. М. Голденков пишет, что «все оскорбительные обзывалки великого русского языка» уложились в одно-единственное английское «ass» (6, с. 160). Слово «hell» наиболее многостороннее в словарном запасе Холдена Колфилда, причем чаще всего оно функционирует в качестве части сравнения и не имеет отношения к своему значению «пекло». Это и «hot as hell» (чертовски жарко), и «cold as hell» (чертовски холодно), «sad as hell» (чертовски печально), «pretty as hell» (чертовски привлекательно) и т.д. (36, с. 270).

Грубые выражения «bastard» (внебрачный, незаконнорожденный ребенок) и «sonuvabitch, son of a bitch» (сукин сын) в лексике Холдена никоим образом не касаются рождения. Он употребляет их только в состоянии сильного возмущения, негодования. Так, когда Холден сердится на Стрэдлейтера за то, что тот ухаживает за Джейн Галлахер, он в порыве гнева называет его «могон sonuvabitch», т.е. слабоумным сукиным сыном (77, с. 45).

Использование вульгарной лексики в «Ловце во ржи» появляется чаще всего тогда, когда Холден говорит о школе. Когда же он прямо обращается к читателю, эта лексика исчезает. Доналд Костелло насчитал более 100 слов сленга, причем такая разговорная речь у героя романа иногда красочна и богата. Слово «crap» (чепуха) употребляется в семи различных значениях. Оно довольно часто означает болтовню, как обычную, так и нечестную. Слово «crazy» (сумасшедший) в сленге Холдена – это и банальный, и чем-то увлеченный. А одно из любимейших сленговых выражений Колфилда указывает на высшую степень эмоции – «it nearly killed me» (я чуть не умер со смеху). Прилагательное «old» (старый) в большинстве случаев не относится к возрасту, а является термином привязанности, поэтому «old Phoebe» есть не что иное как «дорогая Фиби». Доналд Костелло заключает, что сленг Холдена – это типичный молодежный язык, «многосторонний, но ограниченный, выразительный, но не образный, неточный, часто грубый и всегда банальный» (36, с. 271).

Впрочем, банальная лексика Холдена весьма эффективна, ибо помогает писателю создать комический эффект. Так, думая о соученике, мать которого назвала сына «чувствительным», Холден определяет: «Чувствительный, наподобие стульчака в туалете» (77, с. 55). Интеллигентный, начитанный и образованный юноша из культурной семьи Холден Колфилд знает много научных терминов и употребляет их по мере необходимости: «подвергать остракизму», «эксгибиционист», «нешепетильный», «интересный собеседник» и т.п.

Язык «Ловца во ржи», по мысли Доналда П. Костелло, является аутентичным художественным воспроизведением неформальной, разговорной речи американской молодежи. Когда критики

сравнивают язык Холдена Колфилда с языком Гека Финна в книге Марка Твена, они убеждены, что оба героя «заработали паспорта в литературное бессмертие» (36, с. 276).

При чтении романа «Ловец во ржи» замечаешь, что Холден чрезвычайно часто употребляет междометие «*Boy!*» или «*Oh boy!*», которое не имеет никакого отношения к слову «мальчик». М. Голденков пишет: «В моменты, когда мы удивляемся или восхищенно говорим: “Ничего себе! Вот это да!”, американцы выкрикивают “*Oh boy!*”, вне зависимости «бой» стоит рядом или “герл”» (6, с. 16). Сам Холден объясняет эту свою привычку тем, что у него детская лексика, хотя ему уже почти 17 лет и рост около 190 см (77, с. 9).

В толковом английском словаре сказано, что междометие или восклицание «*Oh boy!*» употребляется, чтобы выразить интенсивность чего-либо, например чувства. В англо-русских словарях это междометие переводится целым рядом выражений и восклицаний («здорово!», «да ну?», «правда?», «еще бы!», «ого!»).

Еще одно любимое словечко Холдена – это «*phony*», означающее обман или подделку. Холден употребляет его, если рассказывает о подлых жуликах и обманщиках. Да и школу, из которой его выгнали, он часто называет этим словом.

Стилю речи Холдена Колфилда свойственна та универсальность, которая дает возможность «составить представление о речевой характеристике всего поколения», – считает Э. Медникова (12, с. 214). По ее мнению, речь Холдена Колфилда характеризуется целым рядом приемов. Это прежде всего постоянное употребление паразитических слов или словосочетаний типа «*and all*» и «*sort of*» (вроде, как бы). Многочисленные повторы и отклонения от грамматической нормы, а также нарушения синтаксических правил делают речь Холдена непринужденно «разговорной».

Что касается сленговых выражений, отклоняющихся от фонетической нормы, то Э. Медникова перечисляет более 60 таких слов. Например, «*Nore*» и «*Naa*», вместо «*No*», или «*Ya*» вместо «*You*» (12, с. 248).

Употребление Холденом вульгаризмов делает его речь весьма эмоциональной («*goddam*», «*hell*», «*bastard*», «*ass*»). В этом

Э. Медникова соглашается с трактовкой Д.П. Костелло. Комментируя неправильно переданные Холденом две строчки из знаменитой песенки шотландского поэта Роберта Бернса (Robert Burns, 1759–1796), Э. Медникова приводит и текст поэта, и полный перевод песенки на русский язык С.Я. Маршака (12, с. 237–238)⁶. Собственно, этот эпизод и дал название роману, ибо вместо «встретить» Холден говорит «ловить».

Доналд Барр пишет, что немногие романы имеют такое количество идиоматических выражений как «Ловец во ржи». Юмор в романе вводится постепенно. Холден Колфилд озабочен, растерян, но обладает чувством собственного достоинства. Он осуждает и сострадает, обобщает и абстрагирует постоянно. Даже гневаясь на кого-либо, он ему сочувствует. Несправедливость по отношению к другим «он воспринимает как несправедливость к самому себе» (31, с. 172). Вот почему Холден хочет быть «ловцом во ржи», спасти детишек от падения в овраг. Да и сам стиль Сэлинджера, его манера выражения мыслей своего героя характеризует чувствительность Холдена Колфилда. Но при этом герой рассказывает свою историю с юмором, хотя этот юмор и трагичен. Ведь в начале романа Холден находится в больничной палате психоневрологического санатория, а заканчивает рассказ, все еще оставаясь там.

Юмор Сэлинджера, считают Артур Хейзерман и Джеймс Миллер, усиливают бесчисленные ситуации повторения одних и тех же выражений, избитых метафор и банальных шуток (54, с. 203). Многие вещи в мире Холдена Колфилда то и дело ни с того ни с сего падают и разбиваются, а автомобили «подпрыгивают». Бесконечные абсурдные ситуации заставляют героя романа повторять «it killed me», т.е. «это поразило меня, это рассмешило меня».

Значительная часть романа «Ловец во ржи» содержит множество историй, не относящихся к рассказу об отчаянном побеге Холдена из школы. Так, если в первых же строках романа Холден говорит, что он не собирается излагать свою биографию, то, заканчивая читать «Ловца во ржи», обнаруживаешь, что знаешь весь

⁶ «Coming through the rye» – «Вечером во ржи».

жизненный путь подростка едва ли не со дня его рождения (54, с. 204).

А. Хейзерман и Дж. Миллер пишут, что Холден вовсе не страдает от невозможности любить, но он в отчаянии от того, что ему некуда направить свою любовь. Впрочем, и настоящая ненависть не свойственна Холдену, ибо о тех, кто ему не нравится, т.е. о Стрэдлейтере или Экли, прыщеватом малом, чьи зубы были как бы «покрыты мхом», в конце романа он говорит с сожалением, ибо теперь ему их не хватает (77, с. 214). Ведь Холден, хоть и критикует Экли, но в глубине его осуждения спрятано сострадание, поскольку ни одна школьная группировка не принимает Экли в свой состав, отмечает Кристофер Паркер (70, с. 254).

Когда в 1946 г. умер от белокровия младший брат Холдена Алли, он в отчаянии разбил все окна в гараже, где в это время ночевал, и родители даже собирались показать его психоаналитику. К. Паркер считает такое поведение Холдена, которому тогда было 13 лет, вполне естественным, человеческим, и полагает, что именно так думал Сэлинджер, когда сочинял этот эпизод (70, с. 256).

Оценивая образ Холдена Колфилда в романе, К. Паркер подчеркивает, что Сэлинджеру удалось изобразить отчаянную попытку героя быть искренним в неискреннем мире. Сэлинджер не позволяет своему герою идти на компромиссы и относится к нему честно, давая читателю достаточно оснований, чтобы можно было аргументировать, приводя доводы «за» и «против» в ходе обсуждения характера Холдена Колфилда (70, с. 257).

Сэлинджер является абсолютным профессионалом в литературном творчестве и относится к своему искусству очень серьезно, пишет Дэвид Л. Стивенсон (83, с. 36). Будучи преданным высокому стилю в литературе, Сэлинджер блестяще использует иронию при разработке сюжета романа «Ловец во ржи». Он обращается к неоднородной по своему составу аудитории, т.е. к образованным читателям высшего и среднего класса, и амбициозно предлагает им различные аспекты современного отчуждения в обществе. Чувствительный и восприимчивый Холден Колфилд слишком хорошо осведомлен о разногласиях между явными намерениями и скрытыми мотивами как своих поступков, так и поведения знакомых

людей, чтобы чувствовать себя свободным в любом окружении (83, с. 40).

Основной лингвостилистической характеристикой романа «Ловец во ржи», по мнению Д.Л. Стивенсона, является правдоподобие диалогов, а также соответствующих жестов и телодвижений персонажей. При этом диалоги всегда наполовину забавные и наполовину отчаянные, что позволяет тексту постоянно пребывать между комедией и трагедией. «Однако ни один из эпизодов романа не демонстрирует полностью особую склонность Сэлинджера к стилю комедии, хотя почти каждый эпизод до какой-то степени комичен» (83, с. 40).

Преподаватель английского языка Гарвардского университета Уильям Вигенд убежден, что Холден Колфилд, как и другие персонажи прозы Сэлинджера, не является критиком общественной жизни. У него проблемы внутренние, собственные, а отнюдь не общественные. Словом, «банановая лихорадка», как называет это состояние У. Вигенд, совершенно личное дело героя «Ловца во ржи». Холден Колфилд есть жертва своего постоянного духовного несовершенства, а писатель во всех произведениях ищет конкретное спасение от этого недуга (88, с. 123).

«Банановая лихорадка» – это ощущение нехватки чего-то нужного, что и вызывает страдание. Холден Колфилд болен этой лихорадкой не потому, что он кого-то ненавидит или кого-то боится, а вследствие того, что он не может избавиться от своих воспоминаний обо всех тех, кого он встречал и знал в своей жизни. Именно их ему и не хватает.

Холден Колфилд огорчен не тем, как люди относятся к нему, а тем, как они относятся друг к другу. Дэн Вейкфилд начинает свою статью цитатой из Достоевского о том, что ад – это страдание от невозможности любить. Холден Колфилд в «Ловце во ржи» считает отвратительными ситуации отсутствия любви, а еще более мерзким – притворство под видом любви (86, с. 180).

Таким притворством он называет речь бывшего ученика школы Пэнси, некоего Оссенбергера, который стал предпринимателем и заработал кучу денег на дешевых похоронных бюро. Оссенбергер рассказывает ученикам о том, как он любит молиться за по-

койников Христу. Но Холден уверен, что он просто заталкивает покойников в мешок и швыряет в речку, а Христу молится, чтобы тот послал ему побольше покойников (77, с. 17).

Холден способен найти подлинную любовь в мире детей, которые еще не научились омерзительным ритуалам притворства. Мир любви Холден находит также и в своем воображении, в своей мечте о спасении детей от падения с обрыва на краю ржаного поля или в мечте о хижине, которую он построит далеко на Западе, на опушке леса, как уголок для любви и убежище от лжи (86, с. 182).

Творчество Сэлинджера возникло не на пустом месте. Если верить свидетельству его друга и редактора, сотрудника журнала «Нью-Йоркер» Уильяма Шона, которому посвящена книга «Фрэнни и Зуи», Сэлинджер об этом сказал так: «Когда писателя просят рассказать о своей профессии, он должен подняться и громко прокричать имена авторов, которых он любит. Я люблю Кафку, Флобера, Толстого, Чехова, Достоевского, Пруста, О'Кейси, Рильке, Лорку, Китса, Рембо, Бернса, Э. Бронте, Джейн Остин, Генри Джеймса, Блейка, Кольриджа. Я не называю имен ныне живущих писателей, ибо считаю это неэтичным» (48, с. 21).

О РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ «ЛОВЦА ВО РЖИ»

Роман Дж.Д. Сэлинджера переводили на русский язык Р.Я. Райт-Ковалева, С.А. Махов и М. Немцов. В 1960 г. Р. Райт-Ковалева, переводя роман, дала ему название «Над пропастью во ржи»⁷. Л.С. Кустова в 1964 г. отметила, что «все критики признали перевод прекрасным», а К.И. Чуковский в одной из своих последних статей даже поставил Р. Райт-Ковалеву «в первые ряды мастеров перевода» (10, с. 72).

Произведение Сэлинджера «Ловец во ржи» весьма трудно для перевода, поскольку в нем есть особая интонация, которую Л.С. Кустова называет лирически взволнованной и доверительной. Дело в том, что герой романа Холден Колфилд непосредственно обращается к читателю, а Р. Райт-Ковалевой удалось передать

⁷ Иностранная литература. – М., 1960. – № 11.

ритм этих обращений, который обычно создается «порядком слов, композицией целого отрывка текста, логическими ударениями, пунктуацией», а не только лексикой и синтаксисом (10, с. 72). Переводчица при этом строит короткие фразы с совершенно четкими логическими ударениями. А ритм перевода в соединении с интонацией как раз и воспроизводит особый сэлинджеровский стиль.

Колорит романа «Ловец во ржи» – то радостный, то грустный и мрачный и т.д. Переводчица Р. Райт-Ковалева воссоздает колорит оригинала, но иногда добавляет и свой текст. Так, когда у Сэлинджера сказано, что номер, в котором поселился Холден Колфилд, был «унылый» («stumbu»), то Р. Райт-Ковалева добавляет еще, что «он тоску нагонял», чего в английском тексте нет (10, с. 73).

Л.С. Кустова очень хвалит литературный вкус переводчицы, но при этом замечает, что английское выражение «на каждого» («аріесе») она переводит по-разному: «с носа», «на брата», т.е. передает отнюдь не только смысл, но и эмоциональное состояние рассказчика Холдена.

Английские идиомы, фразеологизмы и образные выражения Р. Райт-Ковалева переводит при помощи разговорных русских оборотов, которые, конечно, не соответствуют американской жизни. Это и «как паровоз», и «собаку съел», и «ума палата», и «пьян как стелька», и «хлебом не корми», и «в глаза не видел», и «завел волюнку» и проч.

Автор статьи о переводе «Ловца во ржи» на русский язык Л.С. Кустова считает, что такие выражения до какой-то степени нарушают сэлинджеровский стиль. Правда, она полагает, что если вместо «shake hands», т.е. «пожимать руки», написано «протягивать два пальца», то это «точно характеризует персонаж и ситуацию» (10, с. 74).

Р. Райт-Ковалева любит русские презрительно-уменьшительные слова и суффиксы *-шик-*, *-ашк-*, *-яч-к-* и часто употребляет их: «старикашка», «чемоданишко», «толстячки». Выражения с числительными даются в русском клишированном варианте. Если в оригинале «в девяностый раз», то в переводе это звучит как «в сотый

раз», английское «прошла вечность» превращается в «сто лет не виделись», а «миллион причин» – в «по тысяче причин» и т.д. Английское «three cartons that day» («три пачки в тот день») в романе точно указывает, сколько именно папирос в день было выкурено, а в переводе получилось некорректное «сто пачек в день».

Особое внимание автор статьи о переводе Р. Райт-Ковалевой «Ловца во ржи» уделяет «живописному жаргону», на котором изъясняется Холден Колфилд. Жаргонных словечек у него не столь уж много, не более десятка. А «творческая палитра» переводчицы значительно шире, пишет Л.С. Кустова. Так, слово «terrific», имеющее значение «ужасающий, страшный», в переводе получило 14 вариантов (10, с. 75). Вульгарное проклятие «goddam» либо вообще не переводится, либо передается подбором других слов. Л.С. Кустова приводит около 20 вариантов такого «перевода» (10, с. 75–76).

Слова «crazy» («сумасшедший») и «phony» («подлый», «притворство», «лицемерие»), выражения «it killed me, it knocked me» («с ума сойти») в переводе имеют также множество вариантов. Л.С. Кустовой не нравится употребление переводчицей слова «свинство», аналогичного которому в лексиконе Холдена в английском тексте не имеется. Для слова «bastard» («ублюдок») переводчица нашла более 20 различных вариантов. То же касается и ругательства «ass» («зад»), перевод которого во многих случаях Л.С. Кустова считает редактированием.

Подробный анализ лексики героя романа «Ловец во ржи» показывает, что в его речи не столь уж много сленговых словечек, замечает Л.С. Кустова. Она добавляет, что, судя по переводу, их должно было бы быть гораздо больше. В связи с этим манера сэлинджеровского письма в переводе несколько изменилась, причем еще и потому, что в русский текст то и дело вкраплены небольшие добавления, которых нет в английском тексте. И, напротив, в эпизоде с мистром Антолини, который гладит по голове спящего Холдена, не переведена та часть фразы текста, в которой говорится, что Холдену то и дело приходилось встречать гомосексуалистов.

Вообще, собственная манера письма Р. Райт-Ковалевой очень сильно ощущается в переводе, считает Л.С. Кустова, отчего Сэлинджер порой перестает быть Сэлинджером. Переводчица внесла в перевод много своего, но, так как она – мастер талантливый и искусный, обнаружить это не так просто (10, с. 79). Порой она употребляет более сильное слово, чем в оригинале, а в одном случае вставляет в предложение слово, которого вообще нет у Сэлинджера. Речь, в частности, идет о слове «пропасть» из эпизода с ловлей детей во ржи. Оно появилось и в названии русского перевода романа – «Над пропастью во ржи». Автор статьи Л.С. Кустова считает, что у Р. Райт-Ковалевой абсолютно не было никакого основания вставлять слово «пропасть» там, где писатель имеет в виду лишь «страшный овраг», да еще выносить это слово в название произведения (10, с. 81).

Каламбур «Бизоны из Барбизона» (21, с. 160) придуман Р. Райт-Ковалевой, у Сэлинджера его нет. В эпизоде с мистером и миссис Антолини говорится о «Buffalo friends of Mrs. Antolini's... Some buffaloes» (77, с. 182). Имеются в виду жители американского города Буффало, а не французского города Барбизон, местечка под Парижем. А в США города Барбизон нет. Можно найти в переводе и другие мелкие неточности, но в целом Л.С. Кустова считает, что перевод талантливый и выполнен на высоком художественном уровне, ибо переводчица сумела донести до читателя эмоциональность и поэтичность романа Сэлинджера (10, с. 81).

Спустя десять лет после кончины Р.Я. Райт-Ковалевой (1898–1988) в 1998 г. в московском издательстве «Аякс Лтд.» вышел новый перевод произведений Сэлинджера (переведен не только роман «Ловец во ржи», но и сборник «Девять рассказов») (22). В этом издании привычная фамилия Сэлинджер изменена: «**Салинджер**». В аннотации сказано, что книга выпущена в оригинальной редакции переводчика С.А. Махова. В предисловии Сергей Махов замечает, что многогранность произведения американского писателя (Махов называет роман «повестью») отражена в том названии, которое он дал роману «Ловец во ржи»: «**Обрыв** на краю ржаного поля детства». Переводчик С.А. Махов считает положительным фактом то, что он «напичкал языковой поток сло-

вечками и выраженьицами ученическими, тусовочными и даже блатными и матерными» (22, с. 4). При этом он объясняет, что стремился, чтобы воздействие его перевода на современное российское юношество совпало с тем, какое в начале 50-х годов прошлого века производил на американскую молодежь подлинник романа «Ловец во ржи».

Текст Риты Райт-Ковалевой переводчик Сергей Махов оценивает отрицательно, именуя его «женским», «совковым», «поднадзорным», называя этот текст вовсе не той книгой, «которую написал Салинджер» (22, с. 4). Как видим, изменение буквы в фамилии американского писателя в русском издании отнюдь не является у переводчика С.А. Махова случайным.

Известная советская переводчица и литературный критик Нора Галь (1912–1991), которая читала перевод в рукописи, полагала, что само название, которое решил дать предпринятому им переводу «Ловца во ржи» С. Махов, вопиет о совершенном его непрофессионализме. Такое тяжеловесное разжевывание образа Холдена Колфилда, считала Н. Галь, уместно лишь в комментариях, но отнюдь не в переводе названия художественного произведения. Помимо всего, в придуманном С. Маховым названии «**Обрыв** на краю ржаного поля детства» имеется недопустимое нагромождение родительных падежей.

Александра Борисенко тоже называет перевод С.А. Махова неудачным. Это была первая попытка заново перевести роман, причем, по определению А. Борисенко, реакция на этот перевод «оказалась необычайно бурной» (3, с. 1). Когда вышла статья А. Борисенко (2009), в Ставрополе уже была опубликована книга Дениса Петренко о переводах на русский язык знаменитого романа Сэлинджера, в которой рассматриваются переводы Р.Я. Райт-Ковалевой и С.А. Махова. В монографии анализируются не только переводы, но и особенности повествования в романе Сэлинджера «The Catcher in the Rye». Д.И. Петренко считает, что язык романа обусловлен эпистемологической ситуацией середины XX в., т.е. ситуацией в теории познания.

В тексте романа отражаются основные идеи науки, философии и литературы середины прошлого века. Во-первых, это теория от-

носительности и принцип дополнительности. Когда А. Эйнштейн создал теорию относительности, он «разрушил существовавшие в картине мира Нового времени представления об абсолютном пространстве и времени» (17, с. 21). Принцип дополнительности, сформулированный Нильсом Бором, требовал описания физического объекта во взаимоисключающих, дополнительных характеристиках, т.е. дополнительного способа описания в самых различных сферах познания.

Во-вторых, это экзистенциализм, который пришел на смену позитивизму. Ж.-П. Сартр считал, что экзистенциализм главным образом оперировал такими понятиями, как «тревога», «заброшенность» и «отчаяние». Наконец, в художественной литературе (причем особенно в американской прозе) «возникает образ *изолированного от общества человека*», идея отчуждения (17, с. 22). Холден Колфилд у Сэлинджера напоминает экзистенциального «постороннего человека», который испытывает «желание одновременно и отделиться, уйти от людей, и найти понимание среди окружающих» (17, с. 23). Холден Колфилд, наподобие «абсурдного человека у экзистенциалистов», обретает силы жить не столько без надежды, сколько с поисками духовной и нравственной опоры (17, с. 33).

Говоря о переводе на русский язык романа Сэлинджера переводчицей Р.Я. Райт-Ковалевой, Д.И. Петренко прежде всего отмечает, что текст романа передан на нормативном русском языке. Дело в том, что американский текст перегружен ругательствами. Переводчица стала искать «русские слова» на замену (17, с. 50). Так, для вульгарнейшего американского выражения, означающего совокупление, Р. Райт-Ковалева отыскала русское просторечное слово «похабщина». Английское выражение «to give someone the time», связанное с представлениями о половом акте, Р. Райт-Ковалева переводит словом «спутаться», которое, согласно «Словарю русского языка» АН СССР, только в четвертом словарном значении содержит намек на интимную связь (17, с. 51).

Итак, в русской интерпретации Холден Колфилд «обладает нравственной чистотой, проявляющейся в том, что в описании тем, касающихся отношений между полами и отклонений в сексуаль-

ном поведении, он уходит от подробностей, способных смутить читателя» (17, с. 53).

К.И. Чуковский писал, определяя творческий метод переводчицы Р. Райт-Ковалевой, что точности перевода она добивается не путем воспроизведения слов, а посредством воспроизведения «психологической сущности каждой фразы» (цит. по: 17, с. 177).

В главе 15 Холден Колфилд говорит о своей подруге Салли, что она начитанна, что много знает о театре, пьесах, литературе и «all that stuff», т.е. дряни, чепухе. В переводе Р. Райт-Ковалевой эта часть предложения опущена. Тут сказано: «Она ужасно много знала про театры, про пьесы, вообще про *всякую литературу*» (21, с. 101). Д.И. Петренко замечает, что слово «всякий» обычно имеет в русском языке нейтральный характер. Лишь только в выражении «ходят тут всякие» оно приобретает неодобрительный смысл. А слово «всякий» как местоимение не может быть использовано с «окраской неодобрения» (17, с. 177).

В главе 18 Холден говорит о романе Хемингуэя «Прощай, оружие!», что это «a phony book», т.е. «фальшивая книга». Но в переводе Р. Райт-Ковалевой Холден говорит не о книге Хемингуэя, а о герое книги лейтенанте Генри. При этом ценность произведения «Прощай, оружие!» в целом сомнению не подвергается.

Наиболее общей характеристикой перевода Р. Райт-Ковалевой является, по мнению Д.И. Петренко, весьма частая операция по сокращению количества сниженной лексики. Переводчица редуцирует сниженную лексику, дает ее пересказ. Когда в главе 19 говорится, как репетитор-старшеклассник Холдена задавал неприличный вопрос и этот вопрос цитируется, в переводе Р. Райт-Ковалевой сказано просто: «трепался бог знает о чем» (17, с. 181).

В тексте перевода имеется много преобразований и добавлений. Д.И. Петренко также приводит главные из этих добавлений. Речь идет о слове «пропасть», которое появляется в эпизоде с ловлей детишек во ржи в разговоре Холдена с учителем Антолини и, конечно же, в названии романа «Над пропастью во ржи». «Давая роману такое название, повторяя слово “пропасть” в тексте перевода, Р.Я. Райт-Ковалева углубляет трагизм романа, подчеркивает романтические черты героя» (17, с. 182).

Д.И. Петренко называет целый ряд преобразований в переводе Р. Райт-Ковалевой: пропуск лексемы, использование эвфемизмов, замена сниженных лексем словами более широкой семантики (хоть и сниженного стиля), замена сниженной лексики нейтральной, замена разговорной формы грамматически правильной, редуцирование предложения или части предложения, изменения в системе диалога и др.

Если в романе сказано «*goddam hint*», в переводе Р. Райт-Ковалевой остается только слово «намеки». Во фразе «*David Copperfield kind of “crap”*» «*crap*» значит «дерьмо», а в переводе стоит слово «муть». Глагол «*puke*», имеющий значение «рвать, тошнить», также переводится более изысканно – «мутить».

Вульгарные слова переводчица, как правило, заменяет эвфемизмами, стилистически сниженное выражение «*get your lousy knees off my chest*» («убери свои мерзкие колени с моей груди») переводится всего лишь как «Пусти, дурак». Словоупотребление «*a lousy vocabulary*» («мерзкая лексика») заменяется аккуратным «не хватает слов». Ругательство «*my ass*» получает вид «тоже сравнили». А предмет «*jock strap*», представляющий собой мешочек для защиты мужских гениталий при занятиях спортом, в переводе оказывается «шнурками от ботинок».

Разговорные выражения переводятся литературно. Например, «*You like it*» – «Нравится?» Часто выбрасывается, т.е. редуцируется либо целое предложение, либо часть сложного синтаксического целого. Так, в главе 10 Холден рассказывает, что оркестр Бадди Сингера исполнял песню, и добавляет: «*It’s a swell song*» («Это шикарная песня»), а в переводе это предложение опущено (17, с. 183–192).

Оценивая перевод Р. Райт-Ковалевой текста романа Дж.Д. Сэлинджера, Д.И. Петренко приходит к выводу о том, что переводчица преобразовывала текст, дабы гармонизировать его, что она «трансформировала языковой статус текста романа сообразно со своими языковыми предпочтениями, а также под влиянием цензуры, царившей в СССР в тот период» (17, с. 215).

Что касается перевода С.А. Махова, у которого роман «Ловец во ржи» получил название «**Обрыв** на краю ржаного поля **детства**» (1998), то в нем широко использован жаргон российских под-

ростков, отчего текст оказался перегруженным ненормативной лексикой и стал дисгармоничным, по мнению Д.И. Петренко. Но если перевод Р. Райт-Ковалевой производился в эпоху тоталитарного режима в СССР, то перевод С.А. Махова осуществлялся в ситуации постмодерна конца XX и начала XXI в. В предисловии переводчик сообщает, что он работал над «Ловцом во ржи» почти десять лет и что он считает абсолютно необходимым переводить уже ранее переведенное. В процессе перевода С.А. Махов «постоянно спорит и состязается с Р.Я. Райт-Ковалевой» (17, с. 199). В тексте его перевода Д.И. Петренко находит целые предложения, заимствованные из перевода Риты Райт-Ковалевой, а также отдельные словосочетания. С другой стороны, все личные имена и названия у С. Махова иные. Это не только «Салинджер», но и «Акли» вместо «Экли», «Страдлейтер» вместо «Стрэдлейтер», «Пенси» вместо «Пэнси» и проч.

В основе перевода С.А. Махова лежит «риторическая операция добавления» (17, с. 201). Это и избыточное применение ненормативной лексики (даже если ее нет в оригинале), а также синтаксические расширения фразы и ненужный пересказ оригинала. Д.И. Петренко приводит целый ряд примеров. Так, используется жаргон московских подростков посттоталитарной России или то, что С.А. Махов считал таковым. Это «халдей», «сударь», «чудюдо», «бабки», «рыдван», «кореш», «разборки», «предки», «тачка», «рваный» (т.е. рубль) и т.д. Сленг, или сниженная лексика, как бы расширяет внутреннюю структуру текста. Если у Сэлинджера «you fall half in love with them», то С. Махов пишет «ты уже почти втюрился»; «girls» именуется «мочалками»; «let's get out» звучит как «давай-ка сваливать», а «pick up» – это «хапнуть». Когда Холден забыл в метро экипировку команды фехтовальщиков, о которой говорится «equipment», то в переводе С.А. Махова выясняется, что он забыл «барахло». Выражения «kept telling» и «kept saying» (т.е. «повторял») обретают вид «талдычил» и «долдонил», а «it was cold» – «холодрыга».

Расширение фразы Д.И. Петренко находит в эпизоде, когда Холден Колфилд говорит о своем брате Д.Б., что он проституирует в Голливуде. У С. Махова это – «продается, как девка, всяким жучилам» (22, с. 11). Выражение «it got on your nerves», т.е. «действие-

вало на нервы», переводится как «охрнительно давит на мозги», а «that's a professional secret» становится оборотом «не твое собачье дело». Подобных примеров Д.И. Петренко приводит много.

Завершая раздел об особенностях перевода Сергеем Маховым романа «Ловец во ржи», Д.И. Петренко пишет: «Перевод С.А. Махова демонстрирует приемы, как правило, противоположные тем, которые использовала Р.Я. Райт-Ковалева. **«Обрыв на краю ржаного поля детства»** можно рассматривать как эксперимент с текстом романа Дж.Д. Сэлинджера “The Catcher in the Rye” и переводом Р.Я. Райт-Ковалевой. В результате названных операций текст перевода С.А. Махова стал перегруженным, трудным для чтения. Он отображает новый постмодернистский подход к переводу, когда в одном тексте существуют различные типы текстов» (17, с. 213).

Новый перевод Максима Немцова «Ловец на хлебном поле» (2008) вызвал рецензии в средствах массовой информации, споры в Интернете, а также противоречивые высказывания читателей на сайтах книжных магазинов (23). При этом А. Борисенко, например, указывает, что большинство авторов этих отзывов вовсе не читали перевода М. Немцова. Они обсуждали другую проблему: «Можно или нельзя переводить Сэлинджера после того, как это уже сделала великая переводчица Рита Райт-Ковалева» (3, с. 1). Многие склонялись к тому, что от М. Немцова ничего хорошего ждать не приходится, но были и такие, которые говорили: «Давно пора!».

А. Борисенко вспоминает, что в советское время зачастую имелось несколько перепереводов одного и того же произведения. Так, насчитывается более 20 русских переводов «Алисы в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла. Существует также множество переводов пьес У. Шекспира, но только два перевода «Гамлета», сделанных М. Лозинским и Б. Пастернаком, считаются каноническими, классическими.

А. Борисенко также пишет, что в свое время М. Гаспаров (1935–2005) утверждал, что разные эпохи и разные читатели требуют разных переводов. Да и в Европе такая практика вполне естественна. Так, существует более дюжины переводов на англий-

ский язык романа Л.Н. Толстого «Война и мир», причем только за последние несколько лет вышло три новых перевода.

На вопрос «Появился ли настоящий русский Сэлинджер?» А. Борисенко отвечает отрицательно. Она пишет: «Нет. Настоящий Сэлинджер по-прежнему написан по-английски. У старика невозможно выиграть. Как с наперсточником: и шансов нет, и уйти нельзя» (3, с. 13).

Виктор Топоров писал свою статью о том, что перепереводы убивают литературную классику, когда Сэлинджер еще был жив (24). Это было в 2008 г., когда только что в издательстве «Эксмо» вышло «Собрание сочинений» американского писателя, содержащее роман, повести о Глассах и рассказы в переводах Максима Немцова. В. Топоров четко определил свою позицию: «При полном отсутствии языкового чутья Немцов перепереводит классический перевод Риты Райт» (24, с. 1).

В России творчество Дж.Д. Сэлинджера составило целую эпоху. Вот почему выход произведений американского писателя в новом переводе был воспринят как сенсация, пишет критик и даже приводит большую цитату из немцовского переперевода, в котором использованы русские неприличные слова. Критик сравнивает этот текст с аналогичным текстом перевода Р. Райт-Ковалевой, в котором таких слов, конечно же, не имеется. Впрочем, с позицией В. Топорова не согласна А. Борисенко (3).

В. Топоров напоминает аналогичный случай, когда был получен грант на переперевод романа колумбийского писателя Габриеля Гарсиа Маркеса (р. в 1927 г.) «Сто лет одиночества» (1967), в котором реальная история Колумбии показана как сатирическая фантазмагория. Уже существовал безукоризненный перевод этого романа. Отрабатывая грани, новая переводчица заменила два неприличных слова, а «в силу собственно творческой косорукости – безнадежно испортила все остальное» (24, с. 4).

В. Топоров полагает, что Р.Я. Райт-Ковалева несколько гармонизировала сэлинджеровского Холдена Колфилда, «несколько смягчила на стилистическом уровне несомненно присущую герою-рассказчику неврастению на грани патологии» (24, с. 4). Однако критик считает, что именно благодаря этому Холден Колфилд стал «своим» для российской молодежи. Называя роман Сэлинджера

«повестью», В. Топоров возмущен тем, что М. Немцов дал произведению название «Ловец на хлебном поле» (23). Он полагает, что М. Немцов не знает, что в русском языке нет никакого «хлебного» поля. «Есть ржаное и пшеничное; есть хлебный квас, есть хлебное вино – водка, а вот хлебного поля нет» (24, с. 5). Не нравится В. Топорову и слово «ловец» в названии перевода М. Немцова, он считает, что в русском языке есть только комические коннотации английского слова «catcher», а четких спортивных значений такого слова нет.

Поскольку в нашем аналитическом обзоре постоянно употребляется это слово при переводе названия «The Catcher in the Rye», следует указать на толкование слова «ловец» в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой.

На странице 339 данного словаря читаем, что ловец – это «человек, который занимается ловлей, охотой». Далее приводится пословица «На ловца и зверь бежит». Ныряльщик за жемчужными раковинами также именуется в русском языке «ловцом жемчуга». В переносном смысле у нас популярно выражение «ловцы человеческих душ». Так что название «Ловец во ржи» имеет полное право на серьезное (а не «комическое», как думает В. Топоров) существование.

Вообще, глагол «ловить» (англ. *to catch*) употребляется в русском языке во множестве словосочетаний отнюдь не комических: «ловить кого-то в западню, ловить каждое слово, ловить удобный случай, ловить взгляд, ловить кого-то на слове, ловить рыбу в мутной воде, ловить себя на чем-то» и др. Выражение «ловчие птицы» также вполне серьезно. Это хищные птицы (беркут, сокол, ястреб), которых часто используют для промысловой охоты на зверя и птицу.

Следует сказать также, что Дж.Д. Сэлинджер вполне закономерно употребил слово «catcher» – «ловец» в названии своего романа. Дело в том, что в США, как говорится, «и стар и млад» это слово знают и употребляют его. Дело в том, что в США пользуется невероятной популярностью бейсбол. Первая в Соединенных Штатах (и в мире) профессиональная бейсбольная лига была создана еще в XIX в. А один из ключевых игроков бейсбольной ко-

манды называется «ловцом» («catcher»), причем в статьях о бейсболе на русском языке он так и именуется: «кэтчер». Это игрок защиты, принимающий подачи перчаткой-ловушкой.

Завершим обзор цитатой из статьи Л.С. Кустовой: «В истории литературы известны случаи, когда перевод не только соперничал с оригиналом, но был лучше него. Такие произведения, в основном стихотворные, воспринимаются нами как самостоятельные, оригинальные. В переводных же произведениях, особенно прозаических, переводчик не должен быть навязчивым» (10, с. 79).

СПУСТЯ 60 ЛЕТ

В 2009 г. в Великобритании было опубликовано продолжение романа «Ловец во ржи» (34). Как только автор этого продолжения, шведский литератор и издатель Фредрик Колтинг, подал заявку на публикацию продолжения романа Дж.Д. Сэлинджера в США, американский писатель обратился в суд. После многомесячной судебной тяжбы продолжение знаменитого романа запретили издавать в Америке и Канаде, но не в Европе и не в переводах.

Роман «60 years later. Coming through the rye» вышел в Англии под псевдонимом *Джон Дэвид Калифорния*. Вторая часть его названия «60 лет спустя. Проходя через рожь» заимствована из стихотворения шотландского поэта XVIII в. Роберта Бернса, которое стало песней. Переводчица романа Дж.Д. Калифорнии Е. Петрова позаимствовала часть названия из перевода этой песни С.Я. Маршак: «*Вечером во ржи. 60 лет спустя*» (8).

Биография Фредрика Колтинга, т.е. Дж.Д. Калифорнии, изложена на суперобложке русского перевода романа. Там говорится, что литератор родился у шведской матери и американского отца в США, в Калифорнии, куда родители заехали с бродячим цирком. Вначале в Швеции он работал могильщиком, а потом стал писать сценарии короткометражных фильмов и отчеты о своих путешествиях для нескольких международных журналов. Роман «Вечером во ржи. 60 лет спустя» является его первым художественным произведением. В романе имя персонажа уже не Холден Колфилд, а

мистер К., и ему не семнадцатый год, а все 76 лет, он дряхлый старик. В английском тексте аннотация состоит всего из двух строчек: «Неправомерное вымышленное исследование отношений Дж.Д. Сэлинджера и его Самого Знаменитого Персонажа». В русском тексте эта аннотация вынесена на отдельную страницу и переведена так: «Несанкционированные вымышленные наблюдения за отношениями между Дж.Д. Сэлинджером и его Самым Знаменитым Героем». А в качестве аннотации предлагается краткая биография Сэлинджера и также краткое изложение содержания продолжения «Ловца во ржи».

На обложке английского продолжения романа «Ловец во ржи» рассказывается, что он будто бы написан самим Сэлинджером, т.е. писатель делает то, что он должен был сделать давным-давно: «Спустя 60 лет после своего дебюта в качестве великого американского антигероя мистер К. возвращен на страницы своим создателем без дурацкого разъяснения, по какой причине это сделано» (34).

Труд Дж.Д. Калифорнии, как и роман «Ловец во ржи», является романом-монологом, причем его будто бы пишет сам Джером Дэвид Сэлинджер, которому (опять-таки будто бы) принадлежат и напечатанные курсивом отрывки мыслей писателя о себе и о своем герое. При этом роман Ф. Колтинга начинается с серьезного посвящения настоящему Дж.Д. Сэлинджеру как «самому потрясающему выдумщику из всех, с кем вас только сводила жизнь» (8, с. 9; 34, с. 5).

Первая глава романа состоит из одной короткой фразы, принадлежащей его герою мистеру К. Он открывает глаза и просыпается. Вторая глава состоит из двух фраз, которые якобы принадлежат Сэлинджеру. Писатель думает, что наконец-то по прошествии многих лет он решился вернуть Холдена Колфилда.

В следующих главах романа мистер К. вспоминает свои сны, в которых ему привиделось, что он находится в чужой комнате, что родители будут о нем беспокоиться, что на письменном столе стоят фотографии людей, которых он видит впервые, и т.д. и т.п. При этом он ощущает постоянный старческий перестук в голове.

Мистер К. находится в доме для престарелых «Саннисайд». Это нечто среднее между гостиницей и больницей, по его определению. Проснувшись, мистер К. отправляется в столовую позавтракать, где оказывается в компании такого же старика. Здесь приводится вроде бы комментарий Сэлинджера, который жалеет о том, что героя его романа постигла подобная участь, и считает себя виновным в этом.

Мистер К. принимает решение сбежать из дома для престарелых, т.е. точно такое же решение, какое он принял 60 лет тому назад, когда убежал из школы Пэнси, а она также, по его теперешнему мнению, смахивала на богадельню. Рассуждения, с которых начинается шестая глава романа, вроде бы принадлежат Сэлинджеру. Он говорит, что голос «Ловца во ржи» долго его преследовал, как фоновый шум, а теперь он должен вернуть героя, чтобы его уничтожить. Но мистер К. тем временем надел пиджак, набросил на шею шарф и навсегда покинул дом престарелых.

Сэлинджер как персонаж романа по этому поводу замечает, что повествование рождается то ли само собой, то ли кто-то должен его создавать. Вот и мистер К., в прошлом Холден Колфилд, был создан и отлит из крови автора «Ловца во ржи», отчего в определенном смысле он есть сын Сэлинджера, его собственность. И писатель снова собирается вернуть К. на те же улицы, где он дал ему жизнь. На этот раз, полагает Сэлинджер у Дж.Д. Калифорнии, он будет действовать быстро и решительно.

Тем временем мистер К. приехал на автобусе в центр Нью-Йорка и сидит в кафе, пытаясь придумать, чем же теперь заняться. Он решает побродить по городским улицам и в конце концов приходит к дому, где жил в молодости. Новая хозяйка впускает его, и он благодарит ее за то, что может прикоснуться к прошлому. Но реплика, якобы вложенная в уста Сэлинджера, неоднозначна: «Разгуливает себе в прошлом, которого нет и в помине, оглядывается на жизнь, которая даже никем не прожита» (8, с. 102).

Выйдя из своего бывшего дома, мистер К. продолжает бродить по Нью-Йорку, и после того как он едва не погиб от сорвавшейся с лесов железной болванки, дозванивается до своего прежнего знакомого по школе Пэнси Стрэдлейтера и встречается с ним.

Бывший юнец Стрэдлейтер теперь седой как лунь старик, морщинистый, с обвисшей кожей. Спустя 60 лет разговаривать им не о чем, и вскоре Стрэдлейтер скрывается. Но комментарий романного Сэлинджера налицо. Он теперь полностью убежден в том, что пора уже закончить описание несуществующего персонажа.

А персонаж все еще продолжает бродить по Нью-Йорку и заходит в парк, где в это время года безлюдно. Правда, появляется какая-то женщина, которая садится на соседнюю скамейку. Эпизод заканчивается тем, что женщина бросает в мистера К. нож, но тот падает, не долетев до цели. Женщина промахнулась. Мистер К., который за один день дважды избежал смерти, берет такси и едет на Мэдисон-авеню, где поселяется в старом отеле «Рузвельт» и ложится спать. В завершение этой главы Сэлинджер рассказывает, как он пишет роман о мистере К. Стопка листов растет, но слова уже не служат ему, как служили прежде, отчего его герой становится неуправляемым.

Следующая глава романа является центральной. Мистер К. посещает кладбище, где похоронена его жена Мэри, где оставлено место и для него. Он решает, что ему следует воссоединиться с Мэри, отчего все его дальнейшие действия подчинены этому решению. Мистер К. покупает черный костюм в магазине смокингов, поскольку хочет быть похороненным рядом с женой в приличном виде. В отеле он переодевается в новый костюм и отправляется топиться туда, где река Гудзон впадает в залив Ист-Ривер. К. перебрасывает ноги через перила и падает в воду.

Мистер К. приходит в себя в каком-то подвале, и выясняется, что он был вытащен за волосы из воды бывшей его ученицей по имени Чарли (Charlie). По этому поводу романский Сэлинджер думает, что в его произведение вмешался случай, и решает продолжать писать дальше (8, с. 170).

Мистера К. в подвале кормит бульоном бабушка Чарли. К. засыпает, а вскоре, проснувшись, просит принести его одежду. Девушка выполняет просьбу, они с Чарли уходят, хватают такси и приезжают в гостиницу «Рузвельт». Тут Дж.Д. Калифорния снова передает слово придуманному им Сэлинджеру. Тот принимает

решение продолжать писать о мистере К. до тех пор, пока сам будет чувствовать такую необходимость.

Мистер К. и Чарли сидят в ресторане отеля «Рузвельт». Когда они решили пройтись после еды, Чарли признается, что видела, как он прыгнул в воду, чтобы утопиться. В следующей главе мистер К. продолжает общаться со своей ученицей Чарли, которая младше его на 50 лет. Она вспоминает, что была когда-то влюблена в этого своего преподавателя, а он хочет от нее отделаться, но это как-то у него не получается. Они заходят в магазин, где Чарли покупает меховую ушанку, а мистер К. – красную охотничью шапку с козырьком, какая была у него в романе «Ловец во ржи».

На следующее утро Чарли все еще находится в гостиничном номере мистера К. Они спускаются в лифте к завтраку, а затем берут такси и едут погулять в Центральный парк. Там мистер К. теряет сознание. Вскоре он приходит в себя, и они решают пойти в кино. После фильма возвращаются в отель, но утром, проснувшись, он Чарли в номере не обнаруживает, она ушла, оставив записку о том, где они встретятся вечером. На месте встречи мистер К. знакомится с уличным продавцом букинистических книг, старых виниловых пластинок и рисунков. Словом, «бомж при искусстве» (8, с. 207).

Наконец появляется Чарли. Мистер К. предлагает ей пойти поужинать в японский ресторан. Они возвращаются в отель, и тут мистер К. то ли засыпает, то ли снова теряет сознание. Когда он приходит в себя, в комнате находятся Чарли и ее юный приятель. Они занимаются сексом, а мистер К. вновь теряет сознание. Когда он очнулся, Чарли и юноши в комнате уже не было. Следует комментарий Сэлинджера о том, что он крепко его держит и не собирается отпускать (8, с. 234).

Утром мистер К. снова направляется к реке и понимает, что ему нужен справочник для самоубийц, но таких справочников в библиотеках не держат. Тогда он идет в аптеку и покупает какие-то таблетки. В голове у него опять раздается перестук, как барабанная дробь. Он берет такси и едет в парк, хочет «подставить лицо предзакатному солнцу, чтобы с этим уйти» (8, с. 241). Размышляет о сыне, вспоминает родителей, Алли, брата Д.Б. и Фиби,

а с супругой Мэри надеется скоро увидеться. Он воображает, что все они собрались вместе, в одной комнате. Мистер К. выплевывает горькие, уже пережеванные таблетки и отправляется в Музей естествознания, что рядом с парком.

Присоединившись к группе экскурсантов, среди которых и чета японцев, мистер К. вместе со всеми входит в морозильную камеру, куда помещают экспонаты животных во время смены экспозиции (8, с. 249). На подставках вдоль стен стоят чучела зверей, а к потолку поднимается облако бело-ледяного тумана. Когда все экскурсанты выходят из морозильной камеры, К. решает в ней остаться, но это заметила японка, которая смотрит на него с ужасом.

Все экскурсанты уходят, а мистер К. ложится на деревянный щит, на котором стоит на лапах огромное чучело медведя. Цель уже близка: «Спина, ноги, лицо – все задубело, кроме головы» (8, с. 252). Итак, последнее пристанище – морозилка в центре Манхэттена. Тут его начинает кто-то тормозить. Это японка вернулась, расталкивает его и выводит на чистый воздух, на тротуар. Мистер К. не знает, «благодарить ее или проклинать» (8, с. 255).

Он снова в отеле «Рузвельт». То засыпает, то просыпается, то снова теряет сознание и видит сына, озаренного золотым сиянием. Сын еще маленький мальчик, они подбирают разные камешки и шишки в кемпинге и складывают в рюкзаки. Но мистера К. лихорадит, пот льет с него ручьями, дрожит все тело. Тут же предлагается якобы комментарий Сэлинджера: «Чтобы литературный персонаж расхворался? Это же абсурд» (8, с. 262).

Мистер К. спит. Ему снится, что он плывет на плоту с сестрой Фиби. Она прыгает в воду и дрейфует прочь от плота, ее длинные седые волосы стелются по воде, но вскоре намокают и тонут, а мистера К. вдруг затягивает в глубокую черную дыру. Когда он просыпается, чувствует, что лихорадка прошла, что он здоров. А тут снова комментарий Сэлинджера, который хочет, чтобы К. «убрался назад, в перо, из-под которого он вышел», и называет его «марионеткой на ниточках» (8, с. 267–268).

Следующая глава предвещает встречу героя и писателя, т.е. мистера К. и Сэлинджера. К. решает покинуть отель, но тут приходит горничная убирать в номере. Они беседуют, и женщина, которой уже перевалило за шестой десяток, вспоминает, что нашла в

комнате старый блокнот для записей, и отдает его мистеру К. Блокнот потрепанный, с ветхими уголками, а в правом верхнем углу обложки имеются три буквы, выведенные от руки: J.D.S. (8, с. 274).

К. садится в автобус, который мчит его на север, в сторону местечка Корниш. Там он показывает инициалы на обложке блокнота почтальону в почтовом фургоне, и тот без малейшей заминки указывает, куда мистеру К. следует держать путь, т.е. к дому J.D.S. – Джерома Дэвида Сэлинджера. Он звонит в дверь и замирает. А за дверью стоит писатель и думает, что в течение долгих 60 лет его герой незримой тенью витал рядом с ним. Теперь он тут, за дверью, и писатель даже не представляет, как он выглядит (8, с. 282–283). В этой главе наряду с описанием того, что происходит в доме писателя, несколько раз излагаются мысли Сэлинджера, которые придумал Дж.Д. Калифорния.

А тем временем Сэлинджер привел К. в свой кабинет, а сам сел за пишущую машинку. Пока К. рассматривает книги на полках, писатель берет тяжелое бронзовое пресс-папье в виде собаки и намеревается стукнуть им К. по голове, говоря себе, что он слишком долго ждал его прихода. Они оба начинают плакать. Мистер К. в конце концов решает уйти и выходит за порог дома писателя.

Во время пребывания мистера К. в его кабинете Сэлинджер думает о том, что он-то настоящий, а К. – это плод его воображения, хотя и ставший стариком. Бронзовую собаку Сэлинджеру держать тяжело, и он боится ее выронить, полагая при этом, что для К. собака будет последним, «что он увидит в своем родном выдуманном мире» (8, с. 291). Он покрепче сжимает собаку, чтобы ударить К., но при этом соображает, что это его собственный сын, который «весь составлен из чернильных корпускул, пригнанных одна к другой», и великолепен, а он чуть было не взял грех на душу (8, с. 294). Он понимает, что отрекся от собственного сына, что заслуживает за это жестокой кары и говорит себе, что очень любит сына, что теперь он будет охранять каждый его шаг (8, с. 298).

Мистер К. между тем отправляется на автобусе из Нью-Йорка в Филадельфию. Там, в доме престарелых под названием «Земля-

ничная поляна», живет теперь его сестра Фиби. Романый Сэлинджер по этому поводу размышляет о том, что К. и Фиби следует воссоединиться, ибо иначе К. «потеряет свою целостность» (8, с. 307). Мистера К. не пускают к Фиби, поскольку часы посещения закончены, и предлагают прийти завтра. К. возвращается на автовокзал, где, случайно взявшись рукой за журнальный стенд, падает вместе с журналами на пол и теряет сознание.

Наутро К. снова едет к сестре Фиби, у которой от старости голова плохо работает, и она спрашивает его, знают ли папа и мама, что он сбежал из дома для престарелых. Она не полностью отдает себе отчет в том, что происходит, но тоже убегает из своего дома для престарелых и едет с братом в Нью-Йорк. Там они поселяются в первом попавшемся отеле под названием «Мариотт», где К. то ли во сне, то ли в бреду видит всех своих родных и знакомых, а также – молодого человека за стойкой, который есть полная копия К. 60-летней давности. В предпоследнем комментарии Сэлинджер якобы признается в том, что бывшая сноровка ему изменила: он печатает одно, а выходит совсем другое, повторяется, путает действующих лиц, словом, полная неразбериха (8, с. 331).

Мистер К. и Фиби ночуют в гостинице «Мариотт», а утром отправляются в парк, туда, где карусель. «Лошадки те же самые, что и 60 лет назад» (8, с. 337). Они кружатся, и К. теряет сознание. Последний комментарий, приписываемый Сэлинджеру, таков: «Вот и конец. Остается буквально пара строчек, а я так и не знаю, как исправить то, что должно быть исправлено». Эти последние слова адресованы его сыну К. Он извиняется за все, напоминает К., что всегда его любил, что тот навсегда – в любом месте и при любых обстоятельствах – останется частицей его самого (8, с. 339).

Концовка романа представляет собой изложение многочисленных бредовых видений мистера К.

Критики и литературоведы уже начали рассматривать продолжение «Ловца во ржи», рассказывать о его авторе Фредрике Колтинге, о введении им в продолжение романа в качестве литературного персонажа писателя Сэлинджера и о судебном разбирательстве в связи с публикацией романа.

Судья района Манхэттен в Нью-Йорке Дебора Бэтс в своем заключении запретила как публикацию, так и рекламу и распространение книги Джона Дэвида Калифорнии (т.е. Фредрика Колтинга) на территории Соединенных Штатов Америки, пишет в газете «Нью-Йорк таймс» С. Чан (35). Хотя имя Холдена Колфилда в этом продолжении «Ловца во ржи» ни разу не упоминается, у читателя книги не может быть абсолютно никакого сомнения в том, что мистер К. – это и есть Холден Колфилд, которому уже за 70, т.е. это ставший стариком один из самых известных литературных персонажей в американской прозе.

Юристы Ф. Колтинга пытались утверждать, что роман «60 лет спустя. Проходя через рожь» совсем не нарушает авторское право, поскольку является критической литературной пародией, но судья Дебора Бэтс категорически отвергла этот аргумент. В связи с таким решением судьи Фредрик Колтинг написал в Интернете, что он потрясен, поскольку никогда не думал, «что в Соединенных Штатах могут запрещать книги» (35). А его юрист Эдвард Розенталь заявил, что такое решение не позволяет читателям ознакомиться с книгой и самим определить, добавляет ли роман Колтинга-Калифорнии что-либо к их пониманию писателя Дж.Д. Сэлинджера и его художественного творчества. Юрист Сэлинджера Марсия Паул вообще отказалась комментировать решение судьи Д. Бэтс.

Таким образом, подлинный Дж.Д. Сэлинджер дважды обращался к органам американской юстиции за защитой своего авторского права: по поводу книги Я. Гамильтона «В поисках Дж.Д. Сэлинджера» (51) и по поводу продолжения романа «Ловец во ржи». Согласно «Закону об авторском праве» («Copyright Act», 1976) в США существует несколько правил «честного использования» чужого произведения. Во-первых, говорится о «цели и характере» («purpose and character») такого заимствования. Во-вторых, речь идет о том, какую часть работы используют. И, наконец, требуется сообщение об эффекте продажи на потенциальном рынке полученного произведения, т.е. его стоимости и о результатах продаж (71).

Указанный закон также разъясняет, что разница между «честным использованием» («fair use») и нарушением авторского права

может быть неясной и почти не поддающейся определению. Ведь не существует специфического набора слов, выражений или высказываний, которые можно было бы безопасно использовать без всякого на то авторского разрешения. Словом, нет абсолютной границы, разделяющей «честное использование» и нарушение авторского права (71, с. 600).

В статье, напечатанной в журнале «Американская литература», Д. Пекченино пишет, что на сайте этого закона в Интернете было сказано, что защита авторского права длится на протяжении всей жизни автора плюс еще 70 лет для работ, созданных после 1 января 1978 г. В 1998 г. это правило было несколько изменено. Теперь 70 лет уменьшили до 50 лет после смерти автора (71, с. 617). Что касается продолжения романа «Ловец во ржи», то Д. Пекченино сообщает, что апелляционный суд признал в сентябре 2009 г. решение первоначального суда полностью соответствующим закону (71, с. 619).

Обсуждая появление романа «60 лет спустя. Проходя через рожь», критик Ричард Дейвис полагал, что попытка Колтинга-Калифорнии идти по стопам Сэлинджера – это «задача чрезвычайно трудная и неблагодарная» (37). Ведь, пытаясь писать «Ловца во ржи-2», Колтинг сам поставил себя в невыигрышную ситуацию. Рецензия Р. Дейвиса была опубликована еще до обращения Дж.Д. Сэлинджера в суд, но критик был уверен в том, что писатель-затворник Сэлинджер бросит вызов Колтингу, а все бесчисленные поклонники «Ловца во ржи» будут встревожены тем, что какой-то тип из Гётеборга осмелился оживить иконографический образ Холдена Колфилда.

Р. Дейвис считает, что Колтинг-Калифорния, видимо, надеялся, что старческая версия Холдена Колфилда получится великолепной, отчего его текст пестрит типичными выражениями Холдена. Здесь и «все такое прочее» («and all»), и другие выражения да словечки, употребляемые Холденом Колфилдом в романе «Ловец во ржи». Версия Колтинга-Калифорнии, по мнению Р. Дейвиса, ошеломительно запутанная. Так, мистер К. вначале едва может ходить, а впоследствии преодолевает в Нью-Йорке значительные расстояния притом, что у него слабый мочевого пузырь, отчего он

мочится в подъездах, на улице, в парке, а также в собственные штаны.

Первоначальная реакция в ходе прочтения романа «60 лет спустя. Проходя через рожь», согласно Р. Дейвису, состоит в том, что книга кажется просто безобидной чепухой, и американскому писателю не стоило бы обижаться. Но когда Колтинг-Калифорния посылает мистера К. в Корниш на встречу с Сэлинджером, то введение образа последнего в текст продолжения романа является и смешным, и волнительным. Неужели Колтинг воображал, что писатель-затворник, не позволяющий Голливуду и телевидению касаться своих художественных произведений, будет радоваться продолжению своего романа. Книга «60 лет спустя. Проходя через рожь» обречена на забвение, заключает критик (37).

Когда английский литературный критик Алиса Флуд печатала в газете «Гардиан» свое сообщение о выходе в свет продолжения «Ловца во ржи», она уже давно знала, что Сэлинджер выступил против публикации этой книги (41). Алиса Флуд вспоминает, что Сэлинджер не разрешал Голливуду создавать фильмы по его произведениям после того, как в 1950 г. киноверсия рассказа «Дядюшка Виггили в Коннектикуте» получила нелестные отзывы кинокритиков. Все это не мешает ей рассуждать о том, что́ думает сам шведско-американский автор Джон Дэвид Калифорния относительно выпущенной им в маленьком издательстве «Windupbird Publishing» книги «60 лет спустя. Проходя через рожь».

Колтинг-Калифорния полагает, что персонаж его романа мистер К. все еще является Холденом Колфилдом, поскольку он точно так же бродит по городу и точно так же имеет собственный взгляд на окружающую действительность. Мистер К. вроде бы уже стал старше и мудрее, но по-прежнему он не имеет ответов на многие загадки жизни. Созданный автором в книге Сэлинджер сравнивает Холдена Колфилда с листом бумаги, на котором начали писать рассказ, а затем положили его в коробку и глубоко закопали в землю. А теперь, спустя 60 лет, можно выкопать эту коробку и продолжать сочинять рассказ.

Дж.Д. Калифорния сообщил, что он написал продолжение «Ловца во ржи» только потому, что всегда думал о том, что́ же

произошло с Холденом Колфилдом в его дальнейшей жизни. Он также добавил, что пытался относиться к статусу Дж.Д. Сэлинджера и его Холдена Колфилда весьма почтительно, как к знаменитым американским иконам.

Еще до того, как Дж.Д. Сэлинджер подал на него в суд, Колтинг-Калифорния сказал, что он очень надеется на то, что писатель будет доволен его книгой и что ему очень хотелось бы узнать мнение писателя о том, как он изобразил Холдена Колфилда и его будущее. Алиса Флуд заключает свою статью так: «По-видимому, Калифорния вовсе не должен был молча ждать окончания этой волшебной сказки», т.е. реакции американского писателя на публикацию продолжения романа «Ловец во ржи» (41).

Вера Копылова в статье в газете «Московский комсомолец» пишет, что книга Дж.Д. Калифорнии есть плагиат, причем не только по закону, но и «по понятиям» (9). Дело в том, что английский текст романа «Вечером во ржи. 60 лет спустя» изобилует прямыми цитатами из «Ловца во ржи». Автор статьи считает, что история старого Холдена Колфилда, т.е. мистера К., написана замечательно, но «язык, образы, общий стиль принадлежат не Джону Калифорнии, а Джерому Сэлинджеру» (9). Если К. – это Колфилд, то его жизнь почти с 17 и до 76 лет является пустотой, о ней в романе ничего не рассказывается. Старик К. «остался таким же, как тот подросток, которого обожают многие поколения читателей во всех странах: прямолинейным, бесхитростным, с глубоким внутренним сознанием, которое пытается приспособиться к этому миру, но пока еще, благодаря чистоте своей юности, идет ему перпендикулярно» (9).

Старый дед мистер К. говорит языком подростка Колфилда, ибо Дж.Д. Калифорния копирует текст «Ловца во ржи». «Но если ты и в старости Колфилд, то ты просто дед в маразме», – пишет В. Копылова (9). Она считает, что Фредрик Колтинг, т.е. Дж.Д. Калифорния, обожает роман Сэлинджера, но при этом персонаж его романа «Вечером во ржи. 60 лет спустя» занимается примитивным философствованием, которое всегда было чуждо Дж.Д. Сэлинджеру.

Говоря о переводе романа Колтинга-Калифорнии на русский язык, В. Копылова отмечает, что переводчица Е. Петрова была вынуждена копировать перевод «Ловца во ржи», выполненный в свое

время Ритой Райт-Ковалевой. Правда, это мнение не совпадает с точкой зрения ответственного редактора перевода книги Ф. Колтинга на русский язык Александра Гузмана, который в комментарии к статье В. Копыловой хвалит перевод Елены Петровой за принятие тех же стилистических решений, которые свойственны были Р. Райт-Ковалевой.

В статье Олега Дарка в американском журнале «Русская литература» («Russian Literature») говорится, что, когда Сэлинджер подал в суд на автора продолжения «Ловца во ржи», обвинив его в плагиате и грабеже, дело слушалось много месяцев. Автору вменено было не упоминать в тексте название романа Сэлинджера и заменить имя главного героя его первой буквой – К. (Холден Колфилд) (7). О. Дарк также напоминает, что имя «мистер К.» в тексте у Дж.Д. Калифорнии вызывает ассоциацию с героем незаконченного романа Франца Кафки «Замок» (1922), в котором имя героя – К.

О. Дарк пишет, что при чтении романа Колтинга-Калифорнии каждого человека не оставляет ощущение искусственности и одновременно малоизбирательности в придумывании «нового существования старому герою» (7). Так, встреча мистера К. и Стрэдлейтера, теперь двух стариков, оказывается вялой, маловыразительной, производящей впечатление, что Калифорнии не хватило воображения. В романе два главных героя: мистер К. и «автор» (т.е. Сэлинджер), который согласно решению суда не имеет имени. А основной сюжет строится «на своеобразной любви-ненависти автора к герою» (7).

Самыми трогательными и трепетными страницами продолжения «Ловца во ржи» О. Дарк считает выделенные курсивом монологи романного Сэлинджера. Стремление мистера К. уйти из жизни О. Дарк объясняет тем, что герой постоянно ощущает в себе приток другой силы, **чужого в себе**, т.е. раздвоение. Встреча мистера К. с придуманным Калифорнией писателем Сэлинджером является, по мнению О. Дарка, «стилизацией под детективное расследование», причем эта стилизация нарочито нелепая, наивная и фарсовая (7). Концовка романа после встречи мистера К. со своей сестрой Фиби, впавшей в детство и слабоумие старушкой, чрезвычайно затуманена. Что ждет мистера К. – санаторий, кладбище, инобытие? О. Дарк предлагает читателю «нужное подчеркнуть» (7).

В аннотации к русскому переводу романа Дж.Д. Калифорнии спрашивается: «Что же такое “Вечером во ржи. 60 лет спустя” – уважительное посвящение автору-легенде, объяснение в любви к его бессмертному творению или циничная эксплуатация чужого шедевра? Решать – вам». Думается, что ответ содержится в самом вопросе: это, несомненно, есть эксплуатация чужого шедевра.

МЕМУАРЫ МАРГАРЕТ СЭЛИНДЖЕР «ЛОВЕЦ МЕЧТЫ»

Мемуары дочери писателя Маргарет Энн Сэлинджер выходили в американском издательстве «Washington Square Press» дважды, в 2000 и 2001 гг. Книга состоит из введения, трех частей и заключения (81). Во введении Маргарет благодарит свою мать Клэр и сестру отца Дорис за то, что они рассказали ей о событиях, происходивших в семье Сэлинджера до ее рождения. В первой части, озаглавленной «История семьи. 1900–1955», говорится о том, как ее родители познакомились, подробно описываются семьи каждого из родителей, а также излагаются факты из биографии отца. Послужной список Джерома Дэвида Сэлинджера повествует, что он стал солдатом американской армии весной 1942 г. в возрасте 23 лет. Последнее сражение, в котором участвовал старший сержант Дж.Д. Сэлинджер, состоялось 2 мая 1945 г., а вскоре пехотный полк, в котором служил отец Маргарет, открыл командный пост в замке Германа Геринга. Офицеры и солдаты стали выполнять оккупационные обязанности. Старший сержант Сэлинджер попал в госпиталь, но через несколько недель поправился и продолжал работу по денацификации Германии еще много месяцев. Все это описано в одном из его рассказов, печатавшихся во время войны в нескольких толстых журналах.

Далее Маргарет рассказывает об антисемитизме в Америке, апогей которого приходился на 1939–1945 гг. Поскольку отец Сэлинджера был евреем, а его мать-христианка приняла иудаизм, Маргарет особенно волновал этот вопрос. Она пишет, что после победы над фашизмом – а ее вместе одержали и христиане, и иудеи, воевавшие в одном строю, – расовая дискриминация в США пошла на убыль.

В ходе своей деятельности по денацификации Германии старший сержант Сэлинджер как-то арестовал молодую женщину по имени Сильвия, которая была медицинским работником в фашистской армии. К концу лета 1945 г. Джерри Сэлинджер и Сильвия сочтались браком. Маргарет знает о ней из рассказов сестры отца Дорис. Джерри вернулся в Америку с Сильвией. Однако, как пишет Маргарет, такие военные браки долгосрочными не бывали. Так что через несколько месяцев и этот брак распался, а Сильвия уехала домой в Европу.

Сам Сэлинджер впоследствии редко рассказывал дочери о своих мыслях и ощущениях на войне и после возвращения на родину, но она находит элементы описания таких чувств в произведениях отца, в том числе в романе «Ловец во ржи». В частности, Маргарет имеет в виду ту сцену, когда Холден Колфилд (вне всякого отношения к военному времени) просит мысленно недавно умершего братика Алли спасти его, не дать ему пропасть.

Тетушка Дорис поведала Маргарет (спустя 40 с лишним лет) о том, как они с Джерри нашли в 1952 г. путь в Корниш, где он впоследствии поселился. Сэлинджер получил гонорар за роман «Ловец во ржи» и сказал, что он хочет найти место, где бы он мог жить вдали от города. Они отправились в столицу штата Нью-Гемпшир, где неподалеку от Бостона, в долине реки Коннектикут, Сэлинджер приобрел участок с домом. В день своего 34-летия, в 1953 г., Джерри поселился в купленном доме. Маргарет в связи с этим приводит мечту Холдена Колфилда о хижине неподалеку от леса, где бы он мог прожить остаток жизни.

Далее Маргарет излагает рассказы своей матери Клэр. В 1955 г. Джерри Сэлинджер и Клэр Дуглас, которая за четыре месяца до окончания колледжа бросила учебу, поехали на его стареньком джипе в город Бредфорд в штате Вермонт и вступили в брак. Они везли с собой двух свидетелей – Бэт и Майкла Митчелл (81, с. 85). Впоследствии мать рассказывала Маргарет, что до заключения брака они с Джерри часто виделись с друзьями и ездили в Нью-Йорк и Бостон. Когда же она забеременела, то после четырех месяцев беременности они больше ни с кем не встречались. Джерри потребовал, чтобы Клэр выбросила всех и все из своей

прошлой студенческой жизни. Супруги стали заниматься йогой, но после рождения Маргарет Клэр оставила эту практику. К тому же Джерри часто уезжал работать над своими произведениями в Нью-Йорк, Монреаль или какой-нибудь другой город. Когда же в 1960 г. родился сын Мэтью, Джерри позволил жене нанять женщину, чтобы та приводила в порядок дом.

Вообще, Маргарет полагает, что ее отец был «ловцом мечты», как и Холден Колфилд, который мечтал ловить детей на краю оврага. Дж.Д. Сэлинджер рассказал дочери, когда он посетил ее летом 1997 г., что имя Маргарет Энн ей дала мать, а он хотел назвать ее так же, как в «Ловце во ржи» назвал сестренку Холдена, – Фиби. Еще он сказал, что мечтал не давать своим новорожденным детям совсем никаких имен, считая, что, когда им будет по 12 лет, они сами выберут себе имена. В связи с этим Маргарет иронично замечает, что у отца в это время было три кошки, «которых он называл Кошка-1, Кошка-2 и Кошка-3» (81, с. 107). На этом первая глава мемуаров Маргарет Сэлинджер заканчивается.

Вторая глава называется «Корниш: 1955–1968», и в ней идет речь о рождении и жизни Маргарет в доме родителей. Отец не только запрещал ее матери общение с друзьями и другими посетителями, но и не вызывал доктора, когда дочь болела. Мать часто находилась в депрессии, а отец удалялся в построенный им в лесу «дом мечты», чтобы сочинять повести «Фрэнни» и «Зуи» (81, с. 114).

Когда Пегги (домашнее имя Маргарет) была еще совсем маленькой, мать сбежала с ней из Корниша в Нью-Йорк, где крестный отец матери снял им квартиру и договорился с няней, которая сидела с малышкой, пока Клэр ходила на прием к психиатру.

Спустя четыре месяца Джерри уговорил Клэр вернуться к нему, это было летом 1957 г. Она потребовала, чтобы Джерри разрешил дочке играть с другими детьми, чтобы к ним могли приходиться друзья Клэр и чтобы он вызывал доктора, когда дочка заболит. Сэлинджер согласился на все эти условия. После «бунта Клэр» (так Джерри называл ее уход из дома) появился список друзей, которым разрешалось их посещать. Среди них был и патер Джон, священник, за которым Джерри ездил на джипе на станцию Винд-

зор в штат Вермонт. Когда Пегги было пять лет, патер Джон уехал на юг США, и больше она его не видела, а только получала по почте от него подарки. 13 февраля 1960 г., когда Пегги было пять лет, родился братик Мэтью, и она очень и очень удивилась, что его привезли домой. Пегги знала, что мать поехала рожать ребенка, но не думала, что его привезут домой. Впоследствии в роли «большой сестры» она его развлекала и качала коляску, чтобы он уснул.

Мать читала детям сказки, а отец в основном сочинял для них разные истории. Пегги считала, что истории, сочиненные для нее, отличались от тех, которые отец сочинял для Мэтью. Самую длинную из них он рассказывал братику Пегги несколько лет. Это была история о капитане Бруно, который со своими матросами совершал кругосветное путешествие на подводной лодке.

Когда Пегги было уже пять с половиной лет, мать посылала ее и ее подругу Виолу, дочь их уборщицы, относить отцу завтрак в его лесную хижину. Он всегда был рад их приходу и разговаривал с ними только о том, что их интересовало.

Осенью 1961 г. Пегги и ее подруга Виола поступили в первый класс начальной школы в соседнем городке Плейнфилд, где прежде всего полагалось вступить в скаутскую организацию, дать клятву верности, спеть патриотическую песню типа «Янки Дудль» и произнести детскую молитву. А тем временем родители Маргарет рисовали планы нового дома и советовались с архитектором о том, как перестроить их дом.

Когда Маргарет была в третьем классе, в Далласе был убит 35-й президент США Джон Кеннеди. Она вспоминает, что единственный раз в жизни видела, как отец плакал. Он сидел перед телевизором, показывавшим похоронную процессию, и слезы катились по его щекам. За год до этого Дж.Д. Сэлинджер с супругой были приглашены в Белый дом на встречу президента с американскими писателями и художниками.

В то время, пишет далее Маргарет, многие известные люди в США получали анонимные угрозы. Семья Сэлинджеров не была исключением. Им угрожали украсть детей. Это совпало с распространенной информацией о том, что знаменитый писатель Сэлинджер стал затворником.

Маргарет с юных лет понимала, что она на одну четверть еврейка, отчего могла попасть в газовую камеру в фашистской Германии. Став взрослой девушкой, она крестилась.

Когда Маргарет исполнилось восемь лет, родители начали заботиться о том, чтобы она читала как можно больше. Мать возила ее в детскую библиотеку, где давали книги на дом, а отец брал ее с собой, когда ездил в библиотеку соседнего колледжа. Он также учил Пегги играть в шашки, в шахматы и смотрел вместе с ней фильмы на кассетах, взятых в кинозале библиотеки. Частенько Маргарет с отцом ездили в Нью-Йорк, они посещали (как Холден Колфилд в «Ловце во ржи») Музей естествознания, Центральный парк, зоопарк и карусель, а также пруд, где водились утки. Иногда они навещали редактора журнала «Нью-Йоркер» Уильяма Шона, которого Сэлинджер попросил стать крестным отцом Маргарет.

Семья Сэлинджеров порой ездила отдыхать на берег Атлантического океана во Флориду, но, поскольку отец не любил, чтобы его узнавали в качестве знаменитого писателя, они придумывали себе другие имена. Джерри был Джоном, Клэр становилась Мэри, Пегги выбрала имя Анабелла, а Мэтью называл себя Робертом (81, с. 188).

В 1966 г. Сэлинджер начал приучать дочь играть в бейсбол, а мать возила ее один раз в неделю в манеж для обучения верховой езде, хотя вскоре Пегги отказалась «залазить на коня» (79, с. 197). Когда же ее отправили отдыхать в летний лагерь, она боялась, что там заставят не только учиться гребле на озере, но и ездить верхом. Но лошади имелись лишь на рекламе летнего лагеря. В связи с этим Маргарет вспоминает то место в романе «Ловец во ржи», где Холден Колфилд рассказывает, что на рекламе школы Пэнси был изображен юный всадник, который скакал на коне в ходе игры в поло. Учась в этой школе, Холден ни разу не видел лошади на спортивной площадке (81, с. 199).

По возвращении из летнего лагеря Маргарет узнала, что родители собираются развестись. В это время Пегги, как и ее подруги, стала интересоваться проблемами секса. Правда, в романе о юноше Колфилде ее отец написал, что Холден говорил, будто секс его вовсе не интересует (81, с. 213).

В 1966 г. Клэр перевела Маргарет и ее брата Мэтью в другую школу в городке Норвич в штате Вермонт, после окончания которой можно было поступать в колледж. Отец приезжал довольно часто и водил обоих детей обедать в ресторан. Маргарет считает, что в десятилетнем возрасте она совсем не была похожа на десятилетнюю Фиби, описанную в «Ловце во ржи», которая не имела ни одной отрицательной черты характера (81, с. 227).

Вторая часть мемуаров Маргарет Сэлинджер завершается рассказом о том, как отец повез ее с братом на экскурсию в Англию и Шотландию во время каникул. В возрасте 12 лет Маргарет определили в школу-интернат на все оставшееся «время детства», как она пишет (81, с. 270).

Третья глава мемуаров называется «За пределами Корниша», и в ней автор ведет рассказ о своей *взрослой* жизни и при этом часто цитирует роман «Ловец во ржи». Маргарет Энн Сэлинджер окончила Брандейский университет (Brandeis University) с отличием, стала бакалавром искусств, а также действительным членом философского общества «The Phi Beta Кappa». Затем Маргарет училась в Англии в Оксфордском университете, где получила звание магистра философии. После этого она какое-то время посещала лекции в Гарвардской школе богословия. Рецензенты ее книги «Ловец мечты» называют весь текст книги великолепной прозой.

Поскольку настоящий аналитический обзор посвящен судьбе романа Дж.Д. Сэлинджера «Ловец во ржи», следует, видимо, описать еще некоторые сюжеты романа, которые цитирует дочь писателя в связи с жизнью своей семьи.

Говоря об основном сюжете романа, т.е. о ловле детей на краю обрыва, Маргарет Сэлинджер полагает, что ее жизнь в семье отца была именно такой, что она была как раз тем ребенком, которому родители уделяли мало внимания (81, с. 275). Она пишет, что такое отношение ее родителей отражено (конечно, безо всякого намека на жизнь семьи писателя) в рассказанном Холденом эпизоде, когда он наблюдал, как мальчик шел не по тротуару, а по краю тротуара возле мостовой, причем идущие с ним родители не обращали на это никакого внимания.

Во время посещения Центрального парка в Нью-Йорке, где Пегги каталась на карусели, все было именно так, как за много лет до этого Сэлинджер описал катанье на карусели Фиби. Брошюру с рекламой школы-интерната, где она училась, Маргарет Сэлинджер сравнивает с обруганной Холденом в романе «Ловец во ржи» брошюрой, восхваляющей школу Пэнси.

Вспоминая, что ее отец не признавал благотворительность, которой занималась мать, Маргарет приводит рассказ Холдена Колфилда о его тетушке, которая обычно шла помогать бедным в моднейшем платье и с напوماженными губами. Во время обучения в Гарвардской школе богословия Маргарет Сэлинджер получала вспомоществование, в связи с чем она немедленно приводит мысли Холдена, который ненавидел голоса священников, произносивших проповеди, поскольку они звучали чрезвычайно фальшиво. Примерно то же Холден говорил и о юристах, имея в виду своего отца.

В завершение мемуаров Маргарет рассказывает о своем супруге Ларри и о том, что они с ним думают о малыше-сыне, желая быть для ребенка самыми заботливыми родителями. Спустя более 40 лет после опубликования «Ловца во ржи» Маргарет Сэлинджер прочла в газете «The Boston Globe» о детях, которые любят этот роман и захотели познакомиться с писателем. Журналистка пишет, что одна из девочек сказала, что попросила бы писателя быть их «ловцом во ржи» (81, с. 427).

Во втором издании мемуаров Маргарет Сэлинджер цитируются мнения о ее книге рецензентов первого издания под названием «Восхваление Маргарет Сэлинджер и “Ловца мечты”». Первой стоит цитата из газеты «Нью-Йорк таймс», в которой говорится, что в мемуарах Маргарет содержится информация, которая помогает изменению и повышению читательской оценки творчества Сэлинджера. Рецензенты пишут, что мемуары дают беспрецедентное описание жизни и творчества восхитительного, уединившегося от внешнего мира писателя-затворника.

Рецензент «Нью-Йорк пост» полагает, что мемуары дочери Сэлинджера проливают свет на автобиографические элементы творчества писателя и отличаются тончайшей психологической оценкой такового. В газете города Питсбург говорится, что в своей

потрясающей прозе дочь Сэлинджера оценивает отца посредством отзывов о его книгах и повестях.

«Академический обзор художественного творчества писатель» приходит к выводу о том, что мемуары Маргарет Сэлинджер представляют собой самую лучшую работу из всех литературно-критических трудов о произведениях Дж.Д. Сэлинджера. «Ричмонд Таймс-диспетч» считает, что писателю повезло иметь такую блистательную дочь. Она мастерски интерпретирует отцовский труд, великолепно балансируя между рассказом о поведении своего отца в жизни и отображением всего этого в его творчестве.

В «Послесловии» приводится изложение работы двоюродного брата Дж.Д. Сэлинджера – Джея Голдберга «Сэлинджеры. Семейный альбом». Их дедушка Симон Сэлинджер родился в 1860 г. в Литве в еврейской семье. Когда ему было 12 лет, он сбежал из дому и скитался по Европе, поскольку городок, в котором жил, принадлежал Пруссии. Однажды беспризорного мальчика увидели раввин Морис Каплан и его жена и взяли в свою семью, где уже было семеро детей. В 1876 г. семейство Капланов эмигрировало в Америку.

В 1882 г. Симон Сэлинджер женился на дочери Капланов Фанни. Их сын Сол был отцом Дж.Д. Сэлинджера. Он родился в 1887 г., а в 1888 г. семейство переехало в Луисвилл в штате Кентукки. В 1907 г. все перекочевало в Чикаго, где Сол познакомился с 17-летней христианкой Мэри Джиллик. Они поженились, но долго скрывали свой брак. Она приняла имя Мириам, когда официально перешла в иудаизм, и они стали жить в Нью-Йорке, где и родился Санни – Джером Дэвид Сэлинджер (позднее его уменьшительным именем стало имя Джерри).

В конце своих воспоминаний двоюродный брат Дж.Д. Сэлинджера рассказывает, что Санни в детстве был очень дружелюбным мальчиком и «читал, читал, читал все время. У него всегда в руке была книга» (79, с. 445). А сам Джей Голдберг был все-го на три месяца старше Санни Сэлинджера.

Маргарет Энн Сэлинджер считает воспоминания Джея, двоюродного брата ее отца, самым лучшим, трогательным и неожиданным подарком, который она получила вскоре после опубликования первого варианта ее мемуаров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Судьба знаменитого романа американского писателя Джерома Дэвида Сэлинджера «Ловец во ржи», переведенного на множество языков и получившего вопреки воле автора продолжение, написанное шведским писателем и издателем Фредриком Колтингом, взявшим псевдоним Дж.Д. Калифорния, не уникальна. Подобные примеры можно найти в мировой литературе. Зачастую продолжение знаменитого произведения, написанное знаменитым человеком, является не более чем жалким подражанием. Но отнюдь не всегда.

В 1835 г. Оноре де Бальзак написал своеобразное продолжение гениального произведения английского писателя Чарльза Роберта Мэтьюрина (1782–1824) «Мельмот Скиталец» («Melmoth the Wanderer», 1820). Гениальным это произведение Ч.Р. Мэтьюрина считал А.С. Пушкин. В.Г. Белинский называл роман Мэтьюрина «...мрачным, фантастическим и могущественным произведением, в котором так прекрасно выражена мысль об эгоизме»⁸. «Мельмот Скиталец» – это готический роман позднего периода, которому свойственна романтическая символика.

Оноре де Бальзак написал свое продолжение романа Мэтьюрина под названием «Примиренный Мельмот» («Melmoth réconcilié»). Он сатирически переосмыслил сюжет романа «Мельмот Скиталец», вывернул этот сюжет наизнанку, отчего получилось не продолжение романа, а пародия на него. Но, конечно, О. де Бальзак является неповторимым мастером слова, классиком, и сравнивать его пародию с продолжениями разных романов, исполненными в другие времена и другими «продолжателями», невозможно. Правда, следует сказать, что сам Ч.Р. Мэтьюрин заимствовал общие контуры сюжета в своем «Мельмоте Скитальце» из неоконченного романа Дени Дидро (1713–1784) «Монахиня» (1760). Оттуда же Мэтьюрин взял и вставную новеллу «Рассказ испанца».

⁸ Краткая литературная энциклопедия. – М., Советская энциклопедия, 1968. – Т. 5. – С. 44.

Неоконченный роман «Монахиня» рисует трагическую историю насильно заточенной в монастырь девушки Сюзанны.

Роман Ч.Р. Мэтьюрина «Мельмот Скиталец» использовал и американский писатель Натаниел Хоторн (1804–1864), который взял за основу новеллу «Повесть об индийских островитянах» из романа Мэтьюрина, когда сочинял свой роман «Феншоу» («Fen-shaw», 1828). Правда, этот роман у Хоторна оказался неудачным, отчего в литературной энциклопедии в статье об американском писателе роман «Феншоу» даже не упоминается.

Интересный пример использования известного художественного произведения знаменитейшим нашим поэтом «на все времена» привела Анна Ахматова в работе «Тайны ремесла» (М., 1986). Она пишет, что роман «Адольф» (1816) французского писателя Бенжамена Констана (1767–1830) использовал Александр Сергеевич Пушкин в письме Онегина «Я знаю, век уж мой измерен...» и в романтической трагедии «Каменный гость». Анна Ахматова указывает на целый ряд дословных переводов цитат из «Адольфа» в этих пушкинских текстах.

Отрицательным примером использования чужого сюжета в мировой литературе могут служить два продолжения (англ. *sequel*) романа «Унесенные ветром» американской писательницы Маргарет Митчелл (1900–1949). Роман «Унесенные ветром» («Gone with the Wind» вышел в свет в 1936 г., получил Пулитцеровскую премию и был переведен на несколько десятков языков. В романе «Унесенные ветром» устами его героини Скарлетт О'Хара повествуется о горечи поражения южан в Гражданской войне в США между Севером и Югом (1861–1865), которая привела к уничтожению рабства, и о любовных отношениях героев.

Невероятная популярность романа Маргарет Митчелл, который в год выхода в свет был продан в США в количестве одного миллиона экземпляров (в настоящее время число продаж доходит почти до 100 миллионов), привела к тому, что некоторые авторы написали свои собственные продолжения романа. Маргарет Митчелл об этом узнать не довелось: в 1949 г. она погибла, переходя через улицу в Атланте. Ее сбил таксомотор, внезапно выскочивший из-за поворота. Митчелл отправили в больницу, где она скончалась. Литературоведов, обсуждающих ее единственный роман

«Унесенные ветром», утешает тот факт, что еще при жизни писательницы в 1939 г. при закрытии Всемирной выставки в Нью-Йорке роман был помещен во «временную капсулу», которую закопали на территории выставки для потомков, т.е. для жителей 6939 г.

Попытку написать продолжение «Унесенных ветром» в 1978 г. сделала литературный критик Энн Эдвардс. Ее продолжение книги Митчелл издательства отказались публиковать. Тогда Энн Эдвардс написала работу о самой Митчелл и назвала ее «Дорога в Тару» («The Road to Tara», 1983). Два следующих продолжения романа «Унесенные ветром» не только изданы в США, но и переводятся на другие языки.

В 1992 г. издательство «Художественная литература» выпустило перевод романа Александры Риплей «Скарлетт». В США это продолжение «Унесенных ветром» вышло в 1991 г., и оно было опубликовано в нескольких других англоязычных странах. Однако многие критики пишут, что «Скарлетт» А. Риплей является лишь жалким подражанием «Унесенным ветром».

В 1994 г. в Одессе было переведено еще одно продолжение романа Маргарет Митчелл – «Унесенные ветром. Век XX». Его написал американский автор Уоллер Джеймс, и роман опять-таки переводится в различных странах. Словом, как видим, судьба «Ловца во ржи» Джерома Дэвида Сэлинджера отнюдь не уникальна.

В завершение нашего аналитического обзора приведем мнение о стиле романа «Ловец во ржи» из работы Т.Л. Морозовой «Образ молодого американца в литературе США». Автор считает стиль прозы Сэлинджера четко сбалансированным, сравнивает его со стилистикой романов Дж. Керуака, Дж. Апдайка и С. Беллоу (13, с. 57–69).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анастасьев Н.* Миры Джерома Сэлинджера // Молодая гвардия. – М., 1965. – № 2. – С. 292–302.
2. *Анджеспаридзе Г.* Потребитель? Бунтарь? Борец? Заметки о молодом герое западной прозы 60–70-х годов. – М.: Молодая гвардия, 1982. – 190 с.

3. *Борисенко А.* Сэлинджер начинает и выигрывает. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/bo16.html>
4. *Галинская И.Л.* Философские и эстетические основы поэтики Дж.Д. Сэлинджера. – М.: Наука, 1975. – 109 с.
5. *Галинская И.Л.* Загадки известных книг. – М.: Наука, 1986. – 126 с.
6. *Голденков М.А.* Осторожно! Hot dog! Современный активный English. – М.: ЧеРо, Юрайт, 2002. – 272 с.
7. *Дарк О.* Джон Дэвид Калифорния. Вечером во ржи. 60 лет спустя. – Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/35320/?expand=yes#expand>
8. *Калифорния Дж.Д.* Вечером во ржи: 60 лет спустя. – СПб.: Домино; М.: Эксмо, 2012. – 352 с.
9. *Копылова В.* Не над пропастью не во ржи // Московский комсомолец. – М., 2012. – № 29 (35), 10–16 февраля. – С. 20.
10. *Кустова Л.С.* Роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его перевод на русский язык // Вестник МГУ. Филология, журналистика. – М., 1964. – № 1. – С. 68–81.
11. *Лидский Ю.Я.* Очерки об американских писателях XX века. – Киев: Наукова думка, 1968. – 267 с.
12. *Медникова Э.* Комментарий. Список сленговых отклонений от фонетической нормы // Salinger J.D. The Catcher in the Rye. – М.: Progress Publishers, 1968. – Р. 214–248.
13. *Морозова Т.Л.* Образ молодого американца в литературе США (битники, Сэлинджер, Беллоу, Апдайк). – М.: Высш. школа, 1969. – 95 с.
14. *Мулярчик А.* Послевоенные американские романисты. – М.: Худож. лит., 1980. – 279 с.
15. *Мулярчик А.* Предисловие // Сэлинджер Дж.Д. Над пропастью во ржи. Повести. Рассказы. – М.: Правда, 1991. – С. 3–20.
16. *Орлова Р.* Рецензия на книгу Сэлинджера «Выше балки, строители и Сеймур: первое знакомство» // Современная художественная литература за рубежом. – М., 1963. – № 12. – С. 59–62.
17. *Петренко Д.И.* Роман Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2009. – 237 с.
18. *Райт-Ковалева Р.* К читателям // Сэлинджер Дж.Д. Повести. Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1965. – С. 3–8.
19. *Самарин Р.М.* Проблемы гуманизма в современной литературе капиталистических стран // Гуманизм и современная литература. – М., 1963. – С. 168–214.
20. *Сэлинджер Дж.Д.* Повести. Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1965. – 256 с.
21. *Сэлинджер Дж.Д.* Над пропастью во ржи. Повести. Рассказы. – М.: Правда, 1991. – 608 с.
22. *Сэлинджер Дж.Д.* Обрыв на краю ржаного поля детства. Девять рассказов / Пер. с англ. С.А. Махова. – М.: Аякс Лтд, 1998.–311 с. – (Фамилия изменена – Сэлинджер.)
23. *Сэлинджер Дж.Д.* Собрание сочинений. Роман. Повести. Рассказы / Пер. с англ. М. Немцова. – М.: Эксмо, 2008. – 704 с.

24. *Топоров В.* Бьют часы, ядрена мать! – Режим доступа: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=1121>
25. *Тузгушева М.* Предисловие // Salinger J.D. *The Catcher in the Rye*. – М.: Progress Publishers, 1968. – П. 3–21.
26. *Хомяков В.А.* Соотношение реализма и модернизма в повестях Дж.Д. Сэлинджера // Проблемы реализма и модернизма в русской и зарубежной литературе. – Архангельск, 1965. – С. 98–100.
27. *Хомяков В.А.* Сэлинджер-новеллист // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института. – Ленинград, 1966. – Т. 306. – С. 240–250.
28. *Хомяков В.А.* О декадентских тенденциях в творчестве Сэлинджера // Ученые записки Вологодского государственного педагогического института. – Вологда, 1967. – Т. 33, Вып. 1. – С. 63–76.
29. *Alexander Ch.A.* Salinger's «The Catcher in the Rye»: (A critical commentary). – N.Y.: Twayne, 1966. – 73 p.
30. *Alexander P.* Salinger: A biography. – Los Angeles, Calif.: Renaissance Books, 1999. – 351 p.
31. *Barr D.* Saints, pilgrims and artists // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – П. 170–176.
32. *Branch E.* Mark Twain and J.D. Salinger. A study in literary continuity // Grunwald Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – П. 205–217.
33. *Bratman F.* Holden, 50, still catches. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/books/98/09/13/specials/salinger-holden.html>
34. *California J.D.* 60 years later. Coming through the rye. – Great Britain: Windupbird Publishing Ltd, 2009. – 277 p.
35. *Chan S.* Judge rules for J.D. Salinger in «Catcher» copyright suit. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2009/07/02/books/02salinger.html?ref=jdsalinger>
36. *Costello D.P.* The language of «The Catcher in the Rye» // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – П. 266–276.
37. *Davies R.* Review of 60 years later: Coming through the rye. – Mode of access: <http://www.abebooks.com/books/coming-through-catcher-rye/60-years-later.shtml>
38. *De Courcy A.* Why did J.D. Salinger spend the last 60 years hiding in a shed writing love notes to teenage girls? – Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-1246881>
39. *Fiedler L.* The eye of innocence // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – П. 218–245.
40. *Fiene D.* J.D. Salinger: A bibliography // Wisconsin studies in contemporary literature. – Madison, 1963. – Vol. 4, N 1. – П. 109–149.
41. *Flood A.* «Catcher in the Rye» sequel published, but not by Salinger. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/books/2009/may/14/catcher-in-the-rye-sequel>
42. *Fosburgh L.* J.D. Salinger speaks about his silence. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/books/98/09/13/specials/salinger-speaks.html>
43. *French W.* J.D. Salinger. – N.Y.: Twayne Publishers, 1963. – 191 p.

44. *French W.G.* J.D. Salinger revisited. – Boston: Twayne, 1988. – XV, 147 p.
45. *Galloway D.* The absurd hero in American fiction. Updike. Styron. Bellow. Salinger. – Austin; L.: Univ. of Texas press, 1966. – XVII, 257 p.
46. *Geismar M.* The Wise child and the New Yorker school of fiction // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 87–101.
47. *Green M.* The image-maker // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 247–253.
48. *Grunwald H.A.* (ed.). Salinger. A critical and personal portrait. – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – XXIX, 287 p.
49. *Gwinn F.L., Blotner J.L.* The early stories // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 259–266.
50. *Hagopian J.* «Pretty mouth and green my eyes»: Salinger's Paolo and Francesca in New York // *Modern fiction studies*. – Lafayette, 1966. – Vol. 12, N 3. – P. 349–354.
51. *Hamilton, J.* In search of J.D. Salinger. – L.: Minerva Press, 1988. – 222 p.
52. *Hassan J.* The rare Quixotic gesture // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 138–163.
53. *Hassan J.* Almost the voice of silence: The later novelettes of J.D. Salinger // *Wisconsin studies in contemporary literature*. – Madison, 1963. – Vol. 4, N 1. – P. 5–20.
54. *Heiserman A., Miller J.E., jr.* Some crazy cliff // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 196–205.
55. *Hicks G.* The search for wisdom // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 191–194.
56. *Hochman W.* Review: Salinger Margaret A. Dream Catcher: A Memoir. – N.Y.: Washington Square Press. – 400 p. – Mode of access: http://wac.colostate.edu/aw/reviews/salinger_2000.htm
57. J.D. Salinger and the critics / Ed. by W.F. Belcher and J.W. Lee. – Belmont (Calif.): Wadsworth, 1962. – VIII, 179 p.
58. J.D. Salinger biography. – Mode of access: <http://www.notablebiographies.com/Ro-Sc/Salinger-J-D.html>
59. J.D. Salinger. – Mode of access: <http://www.nndb.com/people/743/000022677>.
60. J.D. Salinger. – Mode of access: http://topics.nytimes.com/top/reference/timestopics/people/s/j_d_salinger/index.html
61. *Kakutani M.* From Salinger, a new dash of mystery. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/1997/02/20/books/from-salinger-a-new-dash-of-mystery.html>
62. *Kakutani M.* Of teen angst and an author's alienation. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2010/01/29/books/29appraisal.html?ref=jdsalinger>
63. *Kazin A.* «Everybody's favorite» // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 43–52.

64. *Leitch D.* The Salinger myth // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 69–77.
65. *Lettis R.* J.D. Salinger: The Catcher in the Rye. – N.Y.: Barron's Educational Series, 1964. – 50 p.
66. *Lundquist J.* J.D. Salinger. – N.Y.: Ungar, 1979. – IX, 194 p.
67. *McDowell E.* Visit with J.D. Salinger. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/books/98/09/13/specials/salinger-visit.html>
68. *McGrath Ch.* J.D. Salinger, literary recluse, dies at 91. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2010/01/29/books/29salinger.html?pagewanted=all>
69. *Mizener A.* The love song of J.D. Salinger // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 23–36.
70. *Parker Ch.* «Why the hell not smash all the windows» // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 254–258.
71. *Pecchenino D.* «If you want to know the truth»: Fair use, authenticity, and J.D. Salinger // American literature. – Durham, 2011. – Vol. 83, N 3, September – P. 597–619.
72. *Phillips P.* Salinger's Franny and Zooey // Mainstream. – N.Y., 1962. – Vol. 15, N 1. – P. 32–39.
73. *Pinsker S.* The Catcher in the Rye. Innocence under pressure. – N.Y.: Twayne Publishers, 1993. – XVI, 108 p.
74. *Roemer D.M.* The personal narrative and Salinger's «Catcher in the Rye». – Mode of access: <http://www.jstor.org/discover/10.2307/1499640>
75. *Romano J.* Salinger was playing our song. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/books/98/09/13/specials/salinger-song.html>
76. *Salinger J.D.* Franny and Zooey. – N.Y.: Bantam Books, 1969. – 202 p.
77. *Salinger J.D.* The Catcher in the Rye. – N.Y.: Bantam Books, 1969. – 214 p.
78. *Salinger J.D.* Nine stories. – N.Y.: Bantam Books, 1968. – 198 p.
79. *Salinger J.D.* Raise high the roof beam, carpenters and Seymour: An introduction. – N.Y.: Bantam Books, 1968. – 213 p.
80. *Salinger J.D.* Hapworth 16, 1924. // New Yorker. – N.Y., 1965. – Vol. 91, June 19. – P. 32–113.
81. *Salinger M.A.* Dream catcher: A memoir. – N.Y.: Washington Square Press, 2001, – XIV, 459 p.
82. *Smith D.* Salinger's daughter writes of her father obsessions. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2000/08/31/books/salinger-s-daughter-writes-of-her-father-s-obsessions.html>
83. *Stevenson D.L.* The mirror of crisis // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 36–41.
84. Studies in J.D. Salinger. Reviews, essays and critiques of «The Catcher in the Rye» and other fiction / Ed. by M. Laser and N. Fruman. – N.Y.: Odyssey, 1963. – XI, 272 p.
85. The invisible man: A biographical collage // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 1–21.

86. *Wakefield D.* The search for love // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 176–191.
87. *Weber M.* Reading Salinger's silence // New England review. – L., 2005. – Vol. 26, N 2. – P. 118–141.
88. *Wiegand W.* Seventy-eight bananas // Salinger. A critical and personal portrait / Grunwald H.A. (ed.). – N.Y.; Evanston; L.: Harper & Row, 1963. – P. 123–136.

И.Л. Галинская
СУДЬБА РОМАНА
Дж.Д. СЭЛИНДЖЕРА «ЛОВЕЦ ВО РЖИ»

Аналитический обзор

Дизайнер (художник) И.А. Михеев
Дизайн Л.А. Можаева
Корректурa, компьютерная верстка М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 20/IX – 2013 г.
Формат 60x84/16. Бум. офсетная
Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 5,0 Уч.-изд. л. 4,0
Тираж 300 экз. Заказ № 143

Адрес редакции: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект 51/21.
ИНИОН РАН

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997,
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел. / факс 8 (499) 120-45-14
Е-mail: inion@bk.ru

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

